66.3(2Кы)
Л 77

Н. ЛОПАРЕВ

РАЗНАЯ ЖИЗНЬ

НИКОЛАЙ ЛОПАРЕВ

РАЗНАЯ ЖИЗНЬ

(Очерки)

ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1982

66.3(0)
Л 77

Лопарев Н.

Л 77 Разная жизнь: Очерки.— Ф.: Кыргызстан, 1982.— 84 с.

В книге «Разная жизнь» автор в публицистическом жанре с большой любовью пишет о родной Киргизии, ее людях, рассказывает об истории, происходящих событиях. Особый интерес представляют его путевые очерки, написанные по впечатлениям от поездок за рубеж.

Когда читаешь очерки, написанные живым, эмоциональным языком, ярко представляешь себе два мира, с его резкими контрастами, противоположностями, совершенно иную жизнь за рубежом и у нас.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Л $\frac{11300-152}{М\ 451(17)-82}$ 204—82.0802010000

32С+32И
ББК 66.3(0)+66.4(0)

Рецензент А. Сальников

© Издательство «Кыргызстан», 1982 г.

ЛЮБОВЬ СЕРДЦА

Люблю Москву всем сердцем, как родной сын, и с нетерпением жду очередного свидания с ней. И, приехав, каждый раз не перестаю наслаждаться и восхищаться тем новым, что только еще появилось и ждет меня.

Задолго до поездки я уже во власти предстоящей встречи. Вспоминаю широкие московские площади, неповторимые улицы, богатые своей прошлой и настоящей историей, величественные памятники, музеи, театры, и уже невольно, как-то сам с собой складывается план: где побывать, что посмотреть, с кем встретиться. Потом план этот меняется, намечается что-то новое... Он становится настолько обширным, всеобъемлющим, что на осуществление его понадобилось бы две жизни... И всегда жаль, что многое остается не увиденным.

Москва! Сколько с тобой связано самых радушных мыслей, мечтаний, надежд. И, наверное, так у каждого из нас.

Я вспоминаю себя московским студентом. Москва, ты учила меня, воспитывала, водила за руку по своим улицам, площадям, музеям. Я бежал на галерки театров, был очарован, пленен игрой талантливых мастеров сцены. Вместе с их героями страдал, мучился, мужал. И потом, когда уехал от тебя, я видел моих дорогих героев в кино, по телевизору, радовался новой встрече с ними.

Москва, ты научила меня по-настоящему, глубоко и преданно любить Родину, и здесь я впервые испытал самое большое счастье, что дано человеку самой природой — любовь к женщине.

Пролетели пять студенческих лет. Когда отзвенели тосты, напутственные речи, когда записали адреса друг друга и присели перед дальней дорогой, тогда все особенно остро почувствовали, что родная Москва как бы говорила: «Хватит ли у вас знаний, все ли я для вас сделала? Какими вы вернетесь ко мне через год, другой, как мне вас встречать?».

Она благославляла нас в большую жизнь.

Как быстротечно время. Не успеешь оглянуться, а уже прошли годы. Хотя иногда кажется, что еще будто бы вчера был студентом.

...И вот я вновь в Москве. Прими, Москва, я опять нуждаюсь в твоих живительных соках, напои меня, одухотвори, прими мою молодую жену, моего ребенка, благослови их в жизнь.

Я буду рассказывать им о тебе, отвечать на многочисленные вопросы любимого сына: а что это? а что это? И так без конца, ибо это наша Москва, и без нее невозможно представить нашу жизнь. Я поведу их на твою священную Красную площадь и мы вместе поклонимся Мавзолею, древнему Кремлю, его Спасской башне. Я покажу им неповторимый собор Василия Блаженного, этот чудо-цветок, олицетворяющий душу и дух самого народа.

Мой сын впервые узнает, что все пути-дороги, расходящиеся по нашей необъятной Родине, идут отсюда, от Красной площади. Он поймет это душой и сердцем, это чувство останется на всю его жизнь. Придет время и он будет рассказывать своему сыну о древнем Кремле, о Москве.

Я всегда скучаю, тоскую по Москве. Это никогда не проходящее чувство, а с годами все более усиливающееся В каждый мой приезд меня нежно встречают милые серд-

цу русские березки, от самого Домодедово они сплошной чередой бегут ко мне навстречу, раскачивая ветвями, о чем-то наперебой рассказывают, шумят и я пьянею от встречи с ними. Молчу, в мыслях возникают родные, близкие сердцу слова великого русского поэта Тютчева: «Что есть лучшего в России, чем Подмосковье с ее чудной природой, особенно в летнее время».

Когда бы я ни приезжал в Москву, я теряюсь в ней. Она всегда ошеломляет, охватывает меня невероятным водоворотом жизни, небывалым размахом строек и свершений. Я всегда сопоставляю, сравниваю себя с этим ритмом и говорю: «Не отстал ли я от всего потока, не подвел ли тебя, Москва, выполнил ли все твои напутствия?».

Мне больше по сердцу вековая Москва с ее старыми и новыми величественными зданиями, плывущими в московском небе, как белоснежные сказочные корабли. Я стремлюсь оказаться в центре Москвы, спешу к Большому театру, хочется потрогать, погладить серые, уставшие от времени, его колонны, иду к Малому. Я бегу на свидание к памятнику Пушкину, к всенародной любви, вечно живым цветам. И я кладу свои несколько цветков.

До боли в сердце меня волнует, трогает встреча с родным институтом. Не могу удержаться от слез, да и надо ли их сдерживать? Я плачу от нахлынувших чувств, от радостной встречи со своей молодостью. Мне хочется сесть за знакомый стол, прижаться к нему, ощутить дыхание прошедшего времени и бьющий ритм сегодняшней молодой жизни.

Все правильно, все верно. Жизнь стремительна. Она не позволяет успевать за ней вечно. Но у нас есть будущее. Оно — в детях, в молодости.

Присмотритесь к современной молодежи: она прекрасна, полна физической и духовной энергии, крепка опытом старших поколений. Придет время, молодое поколение разольется могучим потоком по нашим стройкам, полям,

распахнет двери научных учреждений. Так будет вечно. И все повторится заново. В этом — жизнь.

Москва. Аэропорт Домодедово. Многолюдно, шумно в этом всеохватывающем людском море. Здесь больше всего заметен бурный, неиссякаемый ритм нашей жизни. Звучит напряженный голос диктора, объявляющего отправку рейсов на Владивосток, Киев, Одессу, Иркутск, Мурманск, Тюмень и многие другие города нашей страны.

Велика, необъятна наша Родина. От Прибалтики до далеких берегов Тихого океана, от холодных Северных морей до жарких земель Средней Азии раскинулись ее бескрайние просторы. Горжусь этим, горжусь тем, что я ее сын, частица многомиллионного народа, что я — советский человек.

...В одном из фрунзенских детских садов мне попался на глаза рисунок шестилетнего мальчика. Он нарисовал Кремль. На фоне снежных гор. И я подумал о символичности этого детского рисунка. У каждого из нас есть свой фон, с которого начинается Родина: горы, степи, моря... И есть общий, нас объединяющий — Москва, Кремль...

Москва — это для меня олицетворение в идеале той жизни, которая связывает меня с Киргизией, городом Фрунзе, ставшим мне родным. Связь эту я постоянно вижу, ощущаю, но есть и иная — невидимая, которую я постоянно ношу в сознании, сердце своем.

Переполненный впечатлениями о поездке в Москву, возвращаюсь домой. Вылетаем ночью. В салоне лайнера удобно располагаемся в креслах, кто-то начинает дремать, другие тихо, чтобы не мешать окружающим, переговариваются. Впереди несколько долгих часов полета. Вот чуть заметно брезжит рассвет, наступает утро. Самолет пролетает вдоль гряды высоких гор с белоснежными вершинами. Кто впервые летит в Киргизию, не может удержаться, чтобы с восхищением не сказать: «Смотрите, смотрите, как красиво!». А рассвет все больше и больше охватывает горизонт, медленно, с макушек гор, спускается в ущелья.

Все — сказочно. Представляю, какие чувства испытывает человек впервые увидевший это великое творение природы. Это земля — Киргизия. Здесь я живу. Здесь родились и выросли мои дети.

Какие только не возникают мысли. Я думаю о людях, друзьях, товарищах, о работе. Я думаю о прошлом и настоящем Киргизии.

На ее плодородных долинах, в горах, на джайлоо когда-то была совершенно иная жизнь, полная беспросветной нужды, страданий.

Кое-где в Чуйской, Иссык-Кульской долинах были лишь глинобитные поселения украинцев, русских. Киргиз — основной хозяин, житель этой земли, объединенный в племена и роды, постоянно кочуя по расщелкам и долинам, занимался преимущественно выращиванием скота, и вокруг этого строилась вся его немудреная жизнь. Как будто страшным роком была предназначена судьба целому народу влачить жалкий образ жизни. Казалось, что само время остановилось и киргизский народ никогда не сможет жить по-другому.

Каких только не было пророчеств! Что только не писали ученые мужи, досужие прогнозисты! Некоторые из них уверенно заявляли, что Киргизия не проснется и через 40 веков. Обрекающе, зловеще звучали слова, что наука никогда не победит природу дикого Тянь-Шаня. Да, это было действительно так до тех пор, пока не пришел на эту землю Великий Октябрь, не изменил весь ход исторического пути.

Как-то в газете «Известия» я прочел небольшую заметку «Кровавые тропы удельного хана». В ней рассказывалось, что на Малом Памире в Афганистане в постоянном страхе и трепете проживало под водительством некоего Рахманкула небольшое, в несколько тысяч, поселение киргизов. Махровый авантюрист, прославившийся своей жестокостью, боясь ответственности за уголовные преступления перед Советской властью, он бежал за границу.

Самозванный удельный хан, ставший безграничным властелином над киргизами, произвольно вершил суд над каждым, кто ему был неугоден.

Когда в Афганистане произошла народная революция, к власти пришли прогрессивные силы, он, опасаясь возмездия, бежал с Малого Памира. Вместе с собой с силой угнал своих соплеменников, а с теми, кто отказался подчиниться его ханской воле, жестоко расправился, отняв скот, имущество, подвергнув истязаниям.

Так, без Родины, без крова, влача жалкое существование, кочуют по прихоти своего хана афганские киргизы, не зная, где обретут себе пристанище.

Страшным повеяло от прочитанного. Будто из далекого прошлого возникла эта черная тень, охватила тебя горькими воспоминаниями о той беспросветной тяжелой жизни, которая канула в века и никогда не повторится.

Сейчас строительство социализма в Киргизии не вмещается порой в рамки человеческого мышления. Нам и сейчас нередко трудно представить, что было время, когда иго, насилие одного народа над другим длилось веками — триста, четыреста лет... Сменялось одно поколение другим, люди умирали и рождались в рабстве. Жутко представить, что вот такой путь пророчили некоторые знатоки человеческих судеб и для киргизского народа...

Кто бы мог мечтать, что пройдет всего лишь несколько десятилетий и киргизы сразу перешагнут в день сегодняшний с современным государственным устройством, культурой и искусством. Это на уровне фантастики. Только горы, немые свидетели происходящих событий, помнят все и мне кажется, что и они порой не перестают удивляться происшедшему.

У подножья вытянувшегося хребта Ала-Тоо спит в своем покое Чуйская долина. Сколько она видела горя и слез, слышала скрежет сабель, схватившихся насмерть войск, дикое ржание коней, стоны и хрипы умирающих.

Она видела как впервые по ее земле пронеслось Крас-

ное Знамя Великого Октября, осветив своим ярким пламенем дорогу в новую жизнь. Эта земля впервые увидела засверкавшую в своем золотом ореоле лампочку Ильича. И не было предела радости и удивления человека. Он впервые услышал разносящийся по всей округе, непохожий ни на одно ранее известное тарахтение киргизу — рокот трактора. Люди гурьбой бежали ему навстречу, чтобы своими глазами увидеть движущееся железное чудо. Над ее территорией впервые прогрохотала огромная парящая птица, широко раскинув свои мощные железные крылья. Люди, высоко подняв головы, смотрели в небо, сопровождая ее взглядом, некоторые из них что-то шептали про себя, а другие откровенно молились. Впервые по рельсам пыхтя, перестукивая на стыках колесами, пронесся по киргизской земле поезд, от которого в сторону шарахались не только кони, животные, но даже и люди.

Совсем недавно все было на этой земле впервые. Впервые человек поехал на легковой машине, поезде, самолете и потом долго рассказывал друзьям, товарищам как он чувствовал себя во время этих поездок. Все захватывало, было необычайно интересным, хотя многое и непонятным...

Человек перешагивал время, а оно торопило, подгоняло его. Надо было успеть сделать все, чтобы своим трудом, своим опытом пробиться к новому, и не только достичь того уровня, на котором находилось цивилизованное человечество, но и перегнать его.

Страшно было и трудно безграмотному киргизу от феодально-родовых обычаев и нравов идти к современной культуре. Но надо было идти и народ шел.

Проходил год за годом, появлялись первенцы, обласканные слезами счастья и радости,— первые школы, техникумы, институты, Киргизский университет.

Более шестидесяти лет Советской власти на нашей земле, но мир до сих пор не перестает удивляться.

Целые институты, созданные за рубежом, изучают нашу действительность и никак не хотят или не могут

поверить, что народ, пробужденный к жизни Великим Октябрем, осененный ленинскими идеями, способен на такие свершения, которые не знала история человечества, которые неведомы капиталистическому образу жизни.

Наш самолет пошел на снижение. Под крылом ровные то ярко-зеленые, то спело-желтые поля Чуйской долины. Внизу, прямо под нами, длинной змейкой тянется товарный состав. Везут автомашины, станки, другую технику. Индустриальный Киргизстан отправляет стране свою продукцию. Какое созвучие слов — индустриальный Киргизстан. В нем отражены не просто успехи республики...

Нередко в литературе, в исследованиях наших ученых можно встретить сравнительные цифры. Например, что промышленность Киргизии за годы Советской власти выросла в сотни и сотни раз... Когда я думаю об истории Киргизии, я никак не могу сравнить день вчерашний и сегодняшний, вернее сравнить гигантский нынешний размах с тринадцатым годом царской России.

Это несопоставимо. Никакие цифры, данные, как бы они ни были внушительны, не могут дать того представления о стремительном росте Киргизии, о его прекрасном народе, который в братском сотрудничестве со всеми народами Советского Союза в своем развитии превзошел многие и многие государства мира. Города, заводы, фабрики — все это создано впервые. При нас, при жизни одного поколения. Такого история, как бы она ни была богата примерами бурного расцвета целых народов, не знает.

Да и сам киргизский народ стал совершенно иным. Сохраняя свою национальную культуру, прогрессивные нравы и обычаи, выработанные веками, он стал за годы Советской власти вровень со всеми народами Советского Союза. Свыше 80 национальностей в едином строю, в едином ритме общего созидания делают одно великое дело — строят коммунистическое общество.

Неузнаваемо изменился Киргизстан.

Когда я смотрю хронику прошлых лет, вижу усталых, изнуренных непосильным трудом бородатых людей в лаптях, оборванной одежде, вижу их покосившиеся хижины, покрытые темной, ржавой соломой, у меня почему-то всегда возникает вопрос: «Да неужели в действительности было так?» Хотя знаю, что именно так и было. Но глядя на нашу сегодняшнюю жизнь, на нашего человека — не верю.

Изменился и внешний и внутренний облик советского человека независимо от его национальности. Когда говорю об этом, вспоминаются слова великого русского писателя А. П. Чехова, что в человеке должно быть все прекрасно. И мне кажется, если мы еще не достигли полного совершенства в этом, то по крайней мере можем с полным основанием говорить, что идем семимильными шагами. Ведь мы порой сами не замечаем тех колоссальных изменений, которые происходят вокруг нас.

Но бывает, не замечаем и тех растущих потребностей, постоянно возникающих у наших людей.

Мне как-то довелось присутствовать на одном собрании колхозников. Хозяйство богатое, его доходы исчисляются в миллионах рублей. Детские ясли, садик организованы бесплатно, бытовое обслуживание во многом тоже бесплатное.

А на собрании из всех слов чаще всего повторялось одно — почему? И это слово, как никакое другое, очень ярко характеризует те колоссальные изменения, которые происходят у нас. Почему не хватает легковых автомашин, красивых ковров, хорошей мебели, хороших музыкальных инструментов, пианино, аккордеонов, баянов? Мы в колхозе хотим иметь музыкальную школу, мы хотим иметь свою личную библиотеку, а вы нас не можете обеспечить хорошими книгами, подписными изданиями. И так постоянно — почему?

Вчерашний клуб, танцы под духовой оркестр и просто кино не устраивают сегодняшнего колхозника. Он желает

большего. И вот колхозы начинают создавать, организовывать спортивные клубы, музыкальные, балетные школы. Сельчане стремятся в культурном, эстетическом отношении приблизиться к городской жизни. Человек не хочет жить в старом доме, ютиться в глинобитной мазанке. Прошло то время. Так оно и должно быть. Все для человека, все во имя человека. Это не лозунг, не плакат, а каждодневное требование нашей жизни.

Радостно, по-молодому бьется сердце. Особенно в субботний или воскресный день, когда навстречу тебе несутся кавалькадой, в лентах и с золотом блестящих колец, свадебные машины. Сколько радости, сколько одухотворенности в людях. Некоторые просто не могут сдержать ее, останавливают проезжих, как своих близких знакомых, приглашают, просят поздравить молодых, пожелать им счастья, удачи. Все смеются, вокруг музыка, кто-то начинает подплясывать, произносятся заздравные тосты... Доброго пути вам, наши молодые прекрасные люди. Пускай он будет счастливым. Радуйтесь дню сегодняшнему, мечтайте, фантазируйте, дерзайте. Но и обязательно вспоминайте день вчерашний, знайте каким он был.

Сплошным потоком мчатся машины в сторону озера Иссык-Куль. Клином упирается Чуйская долина в казалось бы неприступную гряду сначала больших гор, за которыми, как великаны, видны высокие исполины с белоснежными шапками. Но вот незаметно в нее врывается асфальтированная дорога. Машина бежит по крутым серпантинам. В самом ущелье, пенясь, шумит бурная река Чу. Эти горы, вечная река, несущая свои воды через узкий каменистый канвон на плодородные земли Чуйской долины — они все помнят. Прислушайтесь к их шуму, ветру, гуляющему по горным ущельям, и вы многое услышите, узнаете.

Они поведают вам о том, что через вон тот, теперь уже полуразрушенный, мост, в сопровождении киргизов, проходил со своей экспедицией знаменитый путешественник

Семенов-Тян-Шанский, известный исследователь-путешественник Пржевальский. Выше — дороги, еще выше, приходится порой даже высоко поднимать голову,— по склонам надсадно пыхтя, тянет тепловоз большой железнодорожный состав.

Даже не верится, что по таким головокружительным горам может идти тепловоз. И тем более не верится, что эта дорога была построена в страшные годы Великой Отечественной войны. Полураздетые, голодные женщины и дети киркой и лопатой крушили, ломали гранит, штурмовали неприступные скалы, сдвигали горы и прокладывали дорогу. Дорогу в жизнь.

Машины мчатся, обгоняя поезд. Шум эхом разносится по ущелью.

...Не спеши, человек, останови машину, поклонись подвигу людей, припади к горам родным, земле, послушай ее говор прошлых лет, почувствуй пульс могущественного труда своего народа.

Когда я проезжаю через Боомское ущелье, смотрю на сказочные горы, похожие то на огромные юрты, то на причудливые дворцы с невиданными колоннами, вымытыми ливневыми потоками и ветрами веков, я думаю, что пройдет наверное не так уж много времени и здесь будут построены красивые гостиницы, дома отдыха, рестораны, столовые, в которых смогут отдыхать миллионы людей и будут любоваться неповторимой красотой природы, какой так богата Киргизия.

В связи с этим вспоминается такой эпизод. Как-то в шестидесятых годах мне пришлось сопровождать на Иссык-Куль одного иностранца. Когда он увидел озеро, то его восхищениям не было предела. Он сравнивал его с швейцарскими озерами, другими озерами и не находил сравнения. Его больше всего удивляло — как это мы, советские, не замечаем прелести, не можем по-настоящему использовать озеро, делать на этом деньги, бизнес, что мы не так как они эмоциональны, чувствительны ко всему прекрасно-

му. Он говорил о том, какие бы яхт-клубы они могли построить, отели, кемпинги, павильоны для съемки кинофильмов типа американских боевиков, какие бы они смогли получать доходы и т. д. Нет, у нас достаточно эмоций и не меньше, а может больше развито чувство прекрасного, и нам нет надобности в этом отношении учиться у иностранцев. Но ему, конечно, трудно было понять, что было время, когда нам было далеко не до красот и тех эмоций, когда наш народ напрягал все свои силы, чтобы отстоять свою жизнь и это будущее.

Теперь на прославленное и широко известное озеро Иссык-Куль, о котором по-настоящему узнали только за годы Советской власти, стремятся попасть тысячи и тысячи советских людей с разных концов нашей страны. Их тянет красота родной природы. Наше озеро не случайно называют жемчужиной. Над уровнем моря почти около двух тысяч метров раскинулось, окруженное со всех сторон великанами-горами, огромное море, которое, как драгоценный камень, переливается различными цветами, чаруя своей изумительной чистотой.

Сколько сложено сказаний, легенд об озере и сколько еще будет. Народ не устанет любоваться, радоваться красоте.

Вокруг озера все наполнено необозримым пространством прозрачно звенящего воздуха, глубокой синевы высокого неба, сливающимся воедино с космосом. Вечная красота вечной киргизской земли.

Когда я говорю о Киргизии, я вспоминаю о первых русских поселенцах, которые со своими семьями, немудреным скарбом месяцами добирались до ее плодородных земель. В музее изобразительных искусств есть интересная картина: уставшие, изнуренные дальней дорогой, на полуразвалившихся повозках, с худыми конями остановились переселенцы. Кругом степь, на горизонте видны горы. К ним на конях спешат киргизы. Улыбаются. Начинается разговор. Непонятный друг другу язык... Но они понимают

друг друга сердцем. Киргизы преподносят им освежающий терпкий кумыс, как символ дружбы и радушного приема на своей земле...

Я думаю о русских ученых, путешественниках, которые первыми побывали на киргизской земле, многое сделали в исследовании ее богатств, описании жизни и быта народа, навсегда вошли в историю Киргизии.

Смотрю на живописную картину «Пржевальский на озере Иссык-Куль».

Холодно, сурово встречает дикая природа ученого-путешественника. Куда-то вдаль задумчиво смотрит Пржевальский. Человек, как о нем писали, кристально чистой души, он искренне, всей душой полюбил Киргизию, ее людей, которые в ответ платили ему глубоким уважением и признательностью, нередко вместе с ним ходили на охоту, снабжали экспедицию продуктами, лошадьми, верблюдами. В то время, как никто другой, Пржевальский видел большое будущее этого края, своим товарищам высказал искреннее желание, что со временем, когда закончатся его путешествия, он переедет жить в Киргизию. «Не бредом больного воображения,— писал Семенов-Тян-Шанский,— было последнее желание Пржевальского... быть похороненным на берегах Иссык-Куля... В этом выражается глубокая и трогательная вера русского народного героя не только в бессмертии его идей, но и в неоскудении русской земли такими же богатырями, как он».

Огромный, красивый современный парк окружает величественный памятник Пржевальскому на высоком берегу Иссык-Куля. Идут, едут к нему русские и киргизы, люди разной национальности, едут туристы из-за границы. Чтут его память, тихо, внимательно осматривают экспонаты музея. Только дети резвые, звонкоголосые порой нарушают тишину, и вдруг спохватятся, затихнут, но вскоре вновь слышится шум новой жизни, неистребимой, как сама природа.

Величие первых русских, пришедших на землю киргиз-

зов, заключается в том, что они пришли сюда не с мечом и огнем, а с наукой и просвещением. И я, как русский, горжусь этим.

Я порой спрашиваю себя— за что люблю Киргизию?

Я многое могу рассказать о ней, но взять вот так просто и объяснить, почему люблю, толком и не сумею. Наверное за ее природу, за ее неповторимые высокие горы, а больше всего, наверное, за бурный расцвет ее истории. Порой не хочется думать о прошлом, ибо оно напоминает о возрасте, а стареть не хочется.

Я люблю Киргизию за ее народ, за его искреннее стремление ко всему прекрасному, новому.

Посмотрите каково спокойствие и величие самого народа, его одухотворенность. Русские художники не раз находили и находят в этом неиссякаемую тему для своих произведений... Неповторимо красивая киргизская женщина. Сколько нежной застенчивости и вместе с тем гордой величавости в ее взоре, глубоком, вдумчивом, спокойном взгляде, сколько в ее поведении нежного материнства.

Когда я иду на работу, очень часто встречаю пожилую киргизскую женщину. Она встает рано утром, выходит на улицу и своим внимательным взглядом провожает нас на работу, так же внимательно она встречает и вечером. Сколько материнской ласки и теплоты в ее глазах.

Я люблю киргизский народ за его высокий интернационализм, искреннюю любовь к другим народам. В этом особо проявляется характер и душа киргизов.

Мне с женой как-то пришлось быть с одним иностранцем в Киргизском оперном театре. Воспитанный, хорошо образованный человек, он много говорил о музыке, художественном оформлении, о наших солистах. Жене были приятны его восхищения и она старалась как можно больше рассказать ему о нашей жизни, нередко подчеркивая при этом — «у нас в Киргизии». Он, чувствуя к нему доброе расположение, не вытерпел и откровенно спросил: «Почему вы постоянно говорите, что «у Вас в Киргизии»,

вы же русская?..» Жена рассмеялась и сказала: «Да, я действительно русская, родилась в Подмосковье, очень люблю свои места... Но Киргизия тоже моя Родина». «Вы, что,— допытывался иностранец,— действительно вот так вместе живете и искренне говорите? Или это пропаганда? Скажите мне честно, здесь никто не записывает, никто не слышит». Жена вновь рассмеялась: «Я даже не могу этого объяснить. Просто ничего такого нет, о чем вы говорите». Они оба рассмеялись. Как трудно понять это иностранцу.

Нам порой самим трудно объяснить то, с чем мы повседневно встречаемся, сталкиваемся. Ну, как объяснить, например, что работают вместе киргиз, русский, узбек и кто-то из них начальник, кто-то подчиненный. Спросите у любого на заводе, фабрике, колхозе — сколько у них работают представителей разных национальностей. Наверняка никто сразу не ответит на этот вопрос. А вот кто и как работает, как живет — это знает каждый в коллективе.

Сколько бы я не писал о Киргизии, не могу рассказать даже и сотой доли того, что постоянно вижу, встречаю, чем живу и что ношу в сердце своем.

МОЙ ГОРОД

Любовь к родному краю, городу, деревне — это одно из самых сильных чувств, жившее в сердце, сознании человека. Оно на всю жизнь. Мне как-то пришлось присутствовать на вступительном экзамене в один из ВУЗов города Фрунзе.

Восемь человек на одно место. Много. Кто останется из них? Все они хорошо подготовленные, грамотные. Взволнованные и сосредоточенные ждут, какую назовут тему... И вот она объявлена.

Итак, «100-летие города Фрунзе».

В аудитории зашумели, задвигались, зашелестели бумагами. Вздохнули облегченно те, кто угадал название

темы. Некоторые сразу же погрузились в сочинение, заспешили, заскрипели карандашами, ручками.

Передо мной в первом ряду миловидная девушка. Она заметно волнуется, торопится, чтобы успеть уложиться во времени, губы ее вздрагивают, повторяя рожденную фразу.

Душевный трепет пишущих, их волнение передаются мне, и я мысленно, вместе с ними, тоже пишу сочинение. Картины возникают сами по себе, их так много, что они не вмещаются в половодье чувств, охвативших меня. Я отбираю только те из них, которые особенно ярко стоят перед глазами, наиболее сильно трогают струны моей души своим прошлым и настоящим.

Есть города, которые славятся своими древними памятниками, музеями, красивой архитектурой, многочисленными вузами, широкими проспектами, зеленым убранством или могучей рекой, протекающей через весь город, и каждый живущий гордится этими примечательностями.

Впечатления о городе особенно бывают острыми, когда ты воочию представишь себе его историю. Двадцатый век, время бурного развития, более чем 60 лет из них выпало на долю Советской власти. Это большой по времени срок, но по насыщенности событий он равен столетиям, векам. С победой Великого Октября киргизский народ с небывалой ранее силой потянулся ко всему новому, прогрессивному, стал жадно впитывать в себя все прекрасное. Первозданная чистота народа, его помыслов и поступков позволили за короткий срок подняться ему на такую высоту, откуда во всем своем блеске засверкали, как вершины гор Ала-Тоо, все грани его могучей и бурной жизни.

Именно в эти годы небывало рос и развивался наш славный город, названный героическим именем одного из плеяды великих революционеров — М. В. Фрунзе.

Я люблю и всей душой чту живую, хотя уже отошедшую во времени, но вечно юную историю нашего города. Я люблю свой город за его буйную молодость и небывалый расцвет.

Когда прохожу по Дубовому парку и вижу сменяющийся почетный караул, четко чеканящих шаг юношей и девушек возле памятника павшим борцам за Советскую власть, у Вечного огня, я всегда останавливаюсь, смотрю на них и в мыслях возникают одна картина за другой. Вот здесь, в Дубовом парке, с его могучими деревьями, которые являются немыми свидетелями прошедшего, проходили митинги, выступали страстные ораторы, призывавшие людей к новой, светлой жизни. В этом парке, под шелест зеленых листьев вечно живой природы, люди узнали о Ленине. Отсюда уходили красногвардейцы, чтобы защищать Советскую власть. Я мысленно представляю, что эти могучие дубы в своей молодости слышали не только боевые лозунги, страстные призывы, но и траурную музыку, когда хоронили борцов за революцию. Они видели горе и слезы народа.

И я спрашиваю их: «Деревья, расскажите мне, поведайте в подробностях, как это было, покажите мне людей — героев, чьи имена золотом вписаны в историю борьбы, развития и становления Советской власти в Киргизии того времени?». Молчат деревья, только ветер качает их могучие ветви, да шелестят листья, как бы перешептываются между собой и говорят мне в ответ: «Люби людей, историю своего города, проникнись к ней, припади к ее нарзановому роднику и ты узнаешь многое».

И когда я стою у памятника, читаю фамилии и имена павших героев, смотрю на не по-детски сосредоточенные лица, на фигуры, вытянутые в струнку, как молодые тополь ки, девочек и мальчиков, сжимающих своими ручками боевые винтовки, мне становится трудно дышать, мурашки пробегают по всему телу. Меня переполняет чувство великой гордости и я думаю — вот она славная смена, пропитанная могучим живительным соком, идущим от неподборимой силы первых борцов за Советскую власть. Я низко кланяюсь гордым и мужественным людям, начавших

писать историю нашей прекрасной жизни, нашего города Фрунзе.

Я люблю его не только за его историю, но и за всеохватывающую зелень, которая украшает площади и проспекты, улицы и переулки. По существу, нет такого уголка в городе, где не было бы зелени. Я люблю его за весеннюю кипень белой вишни, за темно-зеленый наряд в начале лета, зелено-багряный, золотой чудной осенью.

Обилие зелени радует каждого фрунзенца, восхищает приезжих. Я помню, как говорил один иностранец, посетивший наш город: «Был я в Европе, в Америке, видел немало городов, но Фрунзе впечатляет по-особому. Там сначала видишь здания высотные, менее высотные, разной архитектуры. А здесь сначала зелень, а потом здания. Это красиво и необыкновенно. Сейчас не проблема построить красивое здание, гораздо сложнее, а в некоторых местах просто невозможно организовать в комплексе современный город с природой, чтобы люди могли бы любоваться им. А вот вам удалось создать такую прелесть».

И в самом деле, посмотрите, полюбуйтесь проспектами Дзержинского и Молодой Гвардии — это действительно прелесть: природа в сочетании с городской архитектурой. Проспект Дзержинского — живая история не только города, но по нему можно проследить за развитием и становлением культуры и искусства Киргизии, в целом республики. С этого проспекта-парка начинаются ворота города — железнодорожный вокзал. Здесь на зеленой привокзальной площади, утопающей в многоцветии благоухающих роз, стоит памятник нашему земляку М. В. Фрунзе.

Идешь по проспекту, и что не дом, то богатая история. На многих из них мемориальные плиты, увековечивающие память знаменитых людей города, республики. По середине аллеи памятник известному поэту, сыну киргизского народа Джоомарту Боконбаеву. Молодой, курчавый, задумчивый. Время отсчитывает свои годы, мы взрослеем, стареем, а он по-прежнему остается все такой же молодой.

Это сама молодость поэзии смотрит и приветствует нас.

Неповторимая красота проспекта им. Дзержинского связана со многими почетными именами, жителями г. Фрунзе, которые произносятся фрунзенцами с особым почетом и уважением. Какой же видать был прекрасный душой и помыслами своими первый фрунзенский садовод А. М. Фетисов, который, как говорил первый секретарь ЦК КП Киргизии товарищ Т. У. Усубалиев, горячо взялся за свое любимое дело и создал среди пустынной долины гигантский сад, превратив заболоченные, бросовые земли в дивный зеленый оазис. Он заложил Карагачевую рощу, а его последователи, студенты первого киргизского педагогического техникума, создали зеленую улицу — проспект Дзержинского. Жители города за короткий срок посадили тысячи деревьев, превратив пустыри и пыльные улицы в замечательные парки и сады, в тенистые аллеи. И наверняка многие старожилы города любуются сегодня своими деревьями и, проходя мимо них, любовно говорят: «Это мой тополь...».

Когда я слышу разговор фрунзенцев, восторженно расхваливающих свой город, его широкие улицы и называющих проспект Дзержинского самым широким и зеленым, равного которому нет в нашей стране, или что у нас зелени приходится на одного жителя столько квадратных метров, что он по существу является городом-садом, я от души радуюсь такому разговору и полностью присоединяюсь к нему. Хотя меня меньше всего интересует, есть ли в действительности где-нибудь такие проспекты или более зеленые города, чем наш Фрунзе, важно совсем другое: в этих словах чувствуется искренность, любовь к городу, его жителям, которые сделали его таким зеленым, и постоянно стремятся, чтобы он был еще краше.

Наш город действительно является неотъемлемой частью самой природы. Расположенный в плодотворной Чуйской долине, он вплотную подступает своими раз-

росшимися микрорайонами к подножью величественных гор Ала-Тоо.

Необычайно красивы, величавы горы Киргизии. Горы первыми встречают рассвет. Утренние лучи солнца покрывают золотом их белоснежные шапки. Они, как могучие сказочные корабли, как бы медленно плывут над горизонтом города. Смотришь и видишь, как блуждают, передвигаются по сопкам холодные темные тени от несущихся с выси облаков. Все горы переливаются различными тонами цветовых гамм: от желтых, полевых, светло-зеленых тонов к более темным, ярким и сочным, переходящим в нежные бело-голубые. Там, на склонах гор, спускающимся к просторным зеленым долинам, извечный животновод-киргиз выращивает скот, нагуливает тучные отары тонкорунных овец.

Из расщелин, с кромок льдинок, капелька за капелькой скатываются маленькие чистые ручейки, которые встречаются друг с другом, сливаются в более крупные и уже, чувствуя силу, во всю поют свою журчащую песню, и дальше образуют могучие горные реки Аламедин и Ала-Арчу. Бурным потоком, с ревом и грохотом мчатся они по ущелью, несутся с камнями, булыгами, с грозным шумом переговариваются, стонут, врываются в долину и как бы смирив неукротимую свою силу опять мелкими ручейками, каналами растекаются по городу, к жаждущим полям, чтобы напоить землю живительной влагой, дать ей жизнь.

Проснитесь пораньше, выйдите на улицы города утром, на рассвете. На улицах тихо, поливочные машины промывают улицы, тротуары, мерно журчат арыки. Сначала вы услышите отдельные птичьи голоса, но вот рассвет все нарастает, птицы во всю стараются, их пение сливается в единую радость. Здесь и воробьиный гомон, любовное гугуканье горлинки, и прекрасная песня дрозда и других птиц, которых так много в садах и аллеях города. В листьях, ветвях могучих карагачей, тополей начинают играть

горячие лучи солнца. С этого начинается каждое утро нового дня, с этого начинается трудовой день города.

Скажите, кто из фрунзенцев по утрам, идя на работу, по своим делам с восхищением не созерцает ежедневное великолепие природы, не радуется прекрасному. Хотя люди порой и не замечают этого, но красота, которая присуща городу, она постоянно живет с нами. Она неотъемлемая часть нашего бытия.

А как прекрасны, неповторимо хороши фрунзенцы, особенно женщины, в утреннее время, когда идут на работу, или вечером, в пору своего отдыха, прогуливающиеся по улицам и площадям города, в своих летних разноцветных нарядах, с милыми улыбками, веселыми взглядами, то нежно кокетливыми, то строго серьезными, или глубоко сосредоточенными. Приезжие непременно заметят обаяние, нежность фрунзенских женщин и обязательно при удобном случае скажут об этом. Наверное не без основания говорят, что через женщин, их одежду, внешнему виду, можно судить не только о вкусах, культуре, настроении человека, но и о самой жизни. В нашем городе можно встретить людей со многих краев и областей Советского Союза. Во Фрунзе живут представители самых различных национальностей. Они в своей повседневной жизни дополняют друг друга, щедро делятся всем, что у них есть прекрасного. Много здесь, как принято называть, смешанных браков.

Много у нас красивых улиц, проспектов, площадей, но больше всего я люблю центральный сквер города и правительственную площадь, которая за десятки последних лет вместе с городом перестраивалась, улучшалась и приобретала свой современный вид с двумя величественными зданиями: старым темно-серого цвета и современным белоснежным, над которыми развиваются Государственные знамена Киргизской ССР. Здесь находятся правительство республики, Центральный Комитет Компартии, Верховный Совет, Совет Министров Киргизской ССР.

Многолюдно, по особому торжественно и празднично

бывает на площади в дни всенародных праздников, особенно 1-го мая и 7-го ноября, когда сплошным потоком идут колонны трудящихся, которые несут транспоранты, портреты членов правительства, передовиков и новаторов производства. На транспорантах яркими цифрами, буквами рассказывается о достигнутых успехах трудовых коллективов, о знатных мастерах труда. Люди в эти дни ликуют, радуются.

Я мысленно прохожу по памятным местам, многочисленным музеям города: историческому и изобразительных искусств, по их просторным павильонам с экспонатами, стендами, по беломраморному музею М. В. Фрунзе. И я знаю, что кто бы ни посещал эти места: приезжающие гости, туристы из-за границы — все остаются под глубоким впечатлением от увиденного.

Когда бы я ни проходил мимо Киргизского или Русского драматических театров, я всегда любуюсь этими современными зданиями, внимательно разглядываю репертуары театров. Я вижу пьесы современных авторов, классику. И разве это не удивительно, что вчерашний киргиз-скотовод играет ныне бессмертные пьесы Шекспира, Островского.

Театр оперы и балета, гордо носящий ныне свое название — академический. Теперь он уже — славная история развития киргизской культуры, большого искусства. Когда вхожу в театр, я встречаюсь со своей молодостью. И как живому ему говорю:«Ну здравствуй, мой милый». Поднимаюсь по ступенькам, глажу его белоснежные перила. Захожу в зал. Я знаю, твердо верю тому, что театр хранит историю, хранит память о тех, кого уже нет. Он — вечность, а вечность не расспрашивают, ее слушают. Я прислушиваюсь, вспоминаю и воочию представляю себе бурные комсомольские съезды, слеты передовиков, новаторов производства, которые так торжественно проходили под сводами этого великолепного зала.

Я слышу, как в зале театра звучит полный уверенности

звонкий голос наших прекрасных женщин, известных ткачих Н. Лавской, С. Нурмамбетовой, торжественно заявивших о том, что план десятой пятилетки они перевыполнят вдвое. Громко, радостно рукоплещет им зал и тогда, когда они заявили об этом, и тогда, когда докладывали партии, правительству, всем присутствующим, что слово свое сдержали: за два с половиной года выполнили план пятилетки. Как будто бы это было только вчера, а это уже история. Театр все помнит. Погруженный в раздумья, смотрю на киргизский орнамент, украшающий причудливыми завитушками, золотом балконы, сцены театра, на огромную, сверкающую всеми цветами радуги, хрустальную люстру, и жду того прекрасного, счастливого видения, навстречу которому я пришел сюда.

Вот они, наконец, чарующие душу звуки. Плачет скрипка, басит, жалуется тромбон, золотом блестит, напрягает свои силы труба. Все в хаосе разнообразных звуков, ничего не поймешь, но вместе с тем нет ничего более прекрасного для моей души перед началом спектакля, чем это расстройство звуков. Все здесь радует, тревожит и ты весь в нетерпении, ожидании. И вот появляется дирижер. Все замолкло: оркестр, зал. Взмах палочки — и полились сплошным потоком захватывающие звуки музыки. Как-то быстро, со всего размаху распахивается тяжелый занавес и со сцены дует особая прохлада, пропитанная теми неповторимыми запахами, которые присущи только кулисам. Ты весь во власти театра.

И вот в твоей чуткой памяти, перед твоим взором возникает образ прекрасной, бессмертной балерины Бибисары Бейшеналиевой. Вся она метущаяся, в порыве, наполненная неиссякаемой силой творить красивое, только ей данное природой. Вот она вся нежная, божественная Офелия из «Лебединого озера» П. И. Чайковского. Или вот сильная, гордая Зарема из «Бахчисарайского фонтана» В. Астафьева. Она горько страдает, мучается, но с какой страстью борется за свою любовь.

Она осталась в благородной памяти фрунзенцев, как прекрасный горный цветок, которым человек никогда не перестанет любоваться. И я счастлив тем, что имел удовольствие наслаждаться ее талантом, видеть ее и слышать чудный голос. Она была неповторимой. Один из ее современников писал, что все в ней притягивало: и внешность, и походка, и проникновенность чувств, и выразительность жеста, и четкость осмысленного танца. Она одухотворяла людей своим присутствием. Пройдет время, многие из ее драгоценных качеств будут забытыми, но будет сложена не одна легенда о ее танцах. Народ будет вечно славить ее, как творца киргизского балета, и уже никто никогда не займет это ее почетное место. Имя Бейшеналиевой, которым назван один из молодых вузов столицы г. Фрунзе — институт искусств, возвеличивает это учебное заведение и призывает молодежь к красивому.

Теперь на сцене театра новая звезда киргизского балета, достойная преемница Бейшеналиевой — Айсулу Токомбаева,— народная артистка Киргизской ССР, лауреат Государственной премии СССР. Я видел снятый о ней фильм. Как ни хорош этот фильм, но, к сожалению, он далеко не полностью раскрывает все обаяние этой незаурядной актрисы, доброго человека. Как балерину её знают далеко за пределами республики. Её утренняя звезда—Чолпон, могущественная прекрасная Толгонай из «Материнского поля», благодаря силе таланта Айсулу, давно живет в сердцах не только киргизского народа, но и всех советских людей, всех тех, кто по-настоящему любит искусство, кто любит жизнь.

Один раз мы как-то сказали Айсулу, что о ней много пишут в газетах, журналах, что ей посвящают стихи и мы от души радуемся ее успеху. Маленькая, нежная, вся подтянутая, она больше походит на девушку-студентку, чем на знаменитую балерину, радостно смеется, шутит. «Мы стараемся,— отвечает она,— как можно лучше представлять свою республику, город Фрунзе». В этом вся Айсулу.

Она хорошо понимает, что на ней, как народной артистке, лежит большая ответственность и она по-настоящему старается дарить своим искусством радость людям.

Сменяется одно поколение другим. Зримее становится искусство Киргизии, совсем другими актеры, но одно в них цельное, неделимое — это чистые, немеркнущие истоки, рожденные Великим Октябрем, откуда они постоянно черпают всепобеждающую силу. Всегда трогательно до боли в сердце звучат слова, сказанные Бейшеналиевой, в которых печаль, удивление, благодарность за дружбу, помощь и безмерная радость свершенного. «Мы были, как дикие камни,— говорила она.— Мы не знали ни одного русского слова. Мы только чувствовали все время, что нас здесь любят, хотят научить хорошему. Чему, мы не знали. Мы просто поверили, что так надо. И до сих пор загадка, как научили нас — сперва понимать русскую речь, потом французскую терминологию балета и одновременно освоить премудрости математики и физики, войти в увлекательный мир литературы, истории, географии. Все это и сегодня кажется чудом».

Кто из нас, глядя с вершины 60-х годов Советской власти в день 100-летия города Фрунзе, не удивлялся тем грандиозным изменениям, произошедшим в нашей жизни, равных которым нет в истории человечества. И все это благодаря титанической деятельности Коммунистической партии.

Когда я встречаюсь со старыми коммунистами, нашими уважаемыми аксакалами, которые работали, жили тогда, когда был жив Ленин, и когда я вспоминаю о них, я преклоняюсь перед ними. Они—живая история нашего бурного времени. Они строили фундамент социалистической индустрии, проводили коллективизацию, выдержали не одну войну и достигли небывалого размаха науки, первыми осуществили полет в просторы вселенной. Я смотрю на них и не перестаю удивляться, как это им, когда-то ходившим в лаптях, малограмотным, а то и совсем неграмотным,

удавалось уловить эти колоссальные эпохальные перемены, научиться новому, освоить науку строительства социализма и продолжать твердо идти в ногу с жизнью и по сегодняшний день.

Вот по аллее проспекта им. Дзержинского степенно, медленно, слегка откинув назад голову, закинув за спину руки, шагом извечного труженика идет один из самых известных, знаменитых и уважаемых людей Киргизии Герой Социалистического Труда, народный поэт, академик Аалы Токомбаев. Неутомимый певец своей родной земли. Он не только родоначальник письменной литературы Киргизии, ставшей могучей среди других литератур Советского Союза. Он — история своего народа. Этот умный прозорливый старец видел все. Он познал печаль, горечь и радости, унижение и расцвет своего народа. Многочисленные его стихи, проза — биография и его самого, и всего киргизского народа. Биография, написанная горечью и радостью жизни. И гордо звучат в его поэзии слова: «Я под ленинским знаменем жизнь свою начал...»

Он идет молчаливый, даже какой-то застенчивый, в нем сосредоточена сама мудрость и спокойствие. Он молчит, но у него постоянно работает мысль, одни за другими льются слова, складываются строки. Их ждут и с упоением читают киргизы и русские, изучают дети, с нежностью произнося крылатые слова, сказанные о самом любимом и родном нам человеке: «Ленин жив, он в нашем сердце чистом, могущественен, вечен, как народ». Аалы идет по аллее, а на него с большим уважением, глубокой признательностью смотрят проходящие люди, некоторые из них низко кланяются ему, другие делают вид, что не замечают, больше из-за того, чтобы не докучать ему, не беспокоить. Но нет, по существу, такого человека, кто бы не знал его. Не только киргизы, но весь народ, живущий в республике, гордится тем, что у них есть Аалы Токомбаев. И тот, кто увидел гуляющим его, когда придет домой, обязательно расскажет семье, что он только что видел Токомбаева,

обязательно обрисует, как он выглядит. И все будут от всей души желать ему крепкого здоровья, творческих успехов, счастья.

Когда я был за границей, меня часто спрашивали в Риме, Марокко, на Кипре: знаю ли я Чингиза Айтматова? Я отвечал, что знаю и преисполнялся чувством большей гордости не только за то, что нашего знаменитого земляка-фрунзенца знают так далеко, но и чисто по-человечески, что я живу с ним в одном городе, дышу одним воздухом, хожу по одним и тем же проспектам, улицам, бываем вместе на совещаниях, собраниях.

Я восхищаюсь перед могучим и красивым талантом Чингиза. Слегка ссутулившись, с огромной седеющей гривой, крупным бугрястым лбом, полными строгими губами, внимательно-печальными глазами, он всегда о чем-то думает и мне почему-то всегда хочется узнать о чем его думы, о чем его мысли.

Я безмерно люблю Чингиза за неповторимую особую красоту, которая наиболее присуща его прозе. Произведения Чингиза влияют на человека захватывающе, сильно, никого не оставляют равнодушными потому, что в них неистребимая тяга, стремление ко всему прекрасному, чистому, красивому, что есть у человека.

В его повестях, рассказах нашли яркое воплощение чистая людская радость и вдохновение. Чингиз до боли обостряет человеческое чувство к злу, мерзости, как никто другой он неистово борется против проклятых пережитков прошлого, гнусной человеческой дикости. Он очень тяжело переживает людские пороки, ведет с ними ожесточенную борьбу. Он хочет сейчас, сегодня, при жизни своего поколения видеть преодоление зла. Он нетерпелив в этом. Он осуждает зло и поет о любви.

Кто читал «Прощай, Гульсары», а нечитавших по-моему нет, тот хорошо помнит картину, которую невозможно забыть. Вот Гульсары весь напрягается, выбивается из последних сил, идет к своему последнему финишу. Никогда

он так медленно не шел к финишу и никогда так быстро не приближался к нему. «...В глазах стояла желтая муть, давило и жало в груди, дышать было нечем... Гульсары лежал на боку с откинутой в судороге головой... Торчали его вытянутые, несгибающиеся ноги с истертыми подковами на потрескавшихся копытах. Больше им не ступать по земле, не печатать следы по дорогам». Какие слова! Так глубоко, по-философски проникновенно сказать о жизни! Так мог написать только Чингиз.

Рыдает, горько плачет Танабай. Как исцеление, облегчающее могучую его душу, текут слезы по лице и бороде его. Я не могу читать без волнения, без душевного трепета и слез эпизод, когда Танабай прощался со своим любимым конем, другом.

Чингиз заставляет меня переживать вместе с его героями, ходить с ними по городу, присматриваться к ним. Я иду по улицам города и очень часто встречаю, вижу его героев. Вот тихо, но твердо ступая, идет Танабай через центральный сквер, внимательно смотрит на правительственную площадь, ее здания. О чем он думает, трудно узнать.

Я вижу пожилую, всю одухотворенную киргизскую женщину с густыми прядями седых волос, выбившихся из-под темного платка, она потухшим, но бьющимся внутренней жизнью, взглядом смотрит то на серое здание вокзала, на поднимающиеся ступеньки лестницы, то на темно-синее небо. Кого она ищет своим взглядом и никак не может найти? Что тяжким рыданием раздирает материнскую грудь? Я слышу голос самого Чингиза: «Люди, не мешайте ей думать, не тревожьте ее мысли».

Я слышу холодящий душу удаляющийся в пространстве и времени перестук поезда и уносящегося в вагоне мечущегося его героя, потерявшего свою чистую любовь, я вижу его боль и стон от утраченной радости сердца. Найдет ли он когда-нибудь любовь, да пройдет ли эта тяжкая боль или, как кровоточащая рана, будет ныть всю

жизнь и до последнего вздоха он будет помнить любимую им женщину. Чингиз словами своего героя как бы предупреждает людей: берегите любовь, дорожите самым чистым, что есть у человека, дорожите любовью.

О Чингизе много говорят, много пишут, снимают фильмы, его знают везде. Он ездит по стране, часто бывает за границей, но сколько бы теперь он ни ездил, где бы ни бывал, ему не угнаться за своими героями. Где их только нет, в каких странах мира. Они — его достойные посланцы, рассказывают о том, как живут киргизы, о их мыслях, чаяниях, надеждах, о их труде, о прекрасной и чистой, как горный родник, любви к женщине, своей родной земле. Далеко разносится их завидная слава.

Можно нередко, например, слышать, что фильмы, сделанные по его произведениям, несколько слабее, не раскрывают всего богатства его литературного дарования. Да так, наверное, оно и есть в действительности. Его произведения надо внутренне обдумывать, созерцать, чувствовать, и никакое кино, каким бы оно совершенным ни было, какие бы краски не были, они никогда не смогут выразить тот внутренний мир, ту гамму чувств, которые живут в сердце, думах человека. Как бы, например, не был хорош поставленный Бондарчуком кинофильм «Война и мир», и несмотря на фотографическую точность слов толстовских монологов, но для меня Андрей, Наташа, другие останутся вечно недосягаемыми. И когда я вновь и вновь читаю это великое творение, я переживаю все сызнова, но уже по-новому. Нельзя, например, в кино смотреть картину Рембранта «Возвращение блудного сына». Великое требует к себе вдумчивого отношения. А лучше, чем написал Чингиз своих героев, навряд ли возможно показать даже средствами кино. Вот почему, на мой взгляд, не всегда картины кинематографа достигают той глубины и силы, чем чингизовская проза.

Как-то по особому символично, что в году, когда все мы торжественно отмечали 100-летие города Фрунзе, ис-

полнилось 50 лет знатному нашему фрунзенцу Ч. Айтматову. Не все желающие попали на торжество, посвященное Чингизу. Но несомненно одно, что отмечали его славный юбилей многие, особенно те, кто так любит прекрасное и так ненавидит зло.

Какая радость вместе жить, вместе творить. Пишу это, а в мыслях возникают яркие и проникновенные слова первого секретаря ЦК Компартии Киргизии товарища Усубалиева Т. У., сказанные им на XXV съезде КПСС, что залогом всех наших успехов является монолитная сплоченность вокруг Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета, непоколебимая верность дружбе и братству советских народов и вдохновенный созидательный труд во имя дальнейшего процветания нашей великой социалистической Родины.

«На основе грандиозных социально-политических и экономических преобразований в Киргизии, как и в других республиках Советского Востока, была осуществлена подлинная культурная революция. И здесь, как и в решении других важных проблем, киргизский народ постоянно ощущал и ощущает глубокую заботу и внимание Коммунистической партии и Советского государства, большую и бескорыстную братскую помощь советких народов, прежде всего великого русского народа».[1]

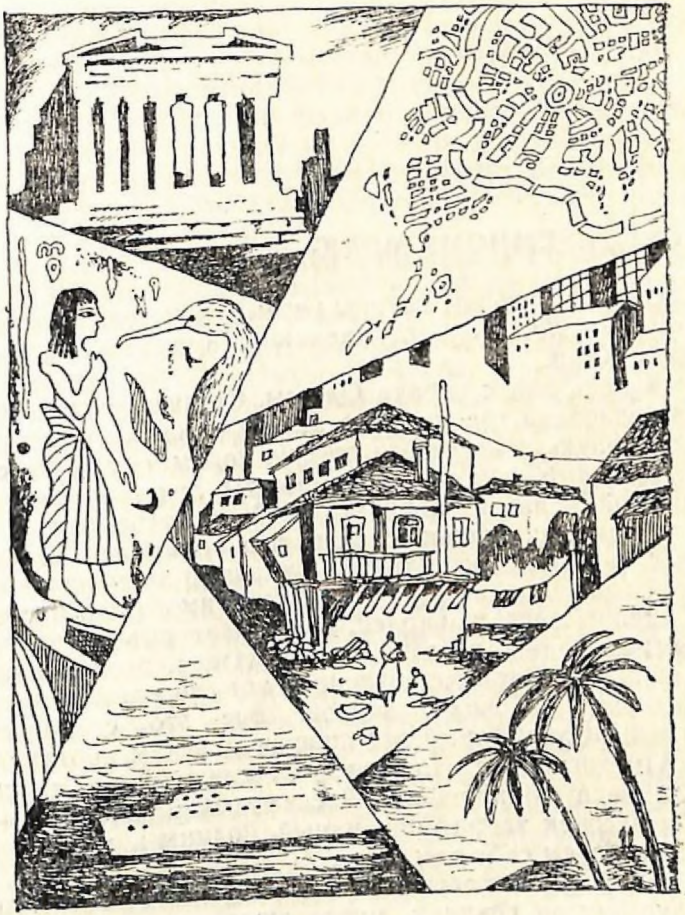
...Девушка отложила ручку, устало откинулась на спинку сиденья. Она закончила писать сочинение. Я посмотрел на нее и улыбнулся своим мыслям: да, я тоже закончил писать свое сочинение о своем городе, хотя многие мысли так и не уместились на бумаге. Наверное то же самое думала и девушка. Наверное, у каждого из нас найдется немало впечатляющих картин, фактов, разных по содержанию, о разных людях, живущих в городе, но несомненно лишь одно, что все они проникнуты любовью

---

[1] Т. У. Усубалиев. Дружба народов — наше бесценное завоевание. М., Политическая литература, 1977, с. 172—173.

к фрунзенцам, городу, заботой о его дальнейшем расцвете.

Столетие Фрунзе — столицы социалистической республики — это большая радость и вместе с тем сладкая грусть. Радуемся и гордимся за его красоту, величие, бурный рост и развитие. Грустно, что становимся сами старше. Но мы частица этой вечности, истории города. Нам хочется быть действенной, боевой частицей, жить повседневной бурной жизнью в одном ритме, пульсе города.

ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ

В составе большой группы ученых, руководителем которой мне довелось быть, отправляемся в спецпоездку — республику Кипр.

Началась она с города Одессы. Оставалось до отправления теплохода где-то более десяти часов и мы, несмотря на пасмурную, промозглую погоду, ходим по улицам самого прекрасного, как говорят одесситы, лучезарного города в мире, знаменитой Дерибасовской, осматриваем Воронцовский дворец, оперный театр, что «красивый до невозможности». Везде оживление. Слышится знаменитая одесситская речь, полная юмора, неповторимого лексикона.

В гавани много кораблей, почти непрерывно работают подъемные краны, лебедки, снуют катера, пыхтят маленькие, широкие в корпусе буксиры, кое-где слышатся громкие выкрики рабочих-грузчиков. Все это сливается в сплошной шум, который так присущ морским портам.

Незаметно пролетело время. Отъезжаем на белоснежном лайнере «Башкирия». Пассажирский теплоход — это как бы кусочек территории нашей Родины и мы по-прежнему чувствуем себя как дома.

В общей массе пассажиров, наряду с советскими людьми, едущими за границу, много людей из разных стран: болгары, греки, турки и т. д. На борту теплохода несколько семей советских евреев, вернее бывших, покидающих

Родину. Некоторые из них едут со скарбом. Здесь и старенький «Москвич», и велосипеды, и стиральные машины, и другие предметы домашнего обихода. Я смотрел на эти немудреные, поношенные вещи и думал: «У этих людей, наверное, нет за границей ни богатых родственников, ни ценных сбережений, на которые они могут рассчитывать в своей жизни». Все это вызывало какое-то чувство сожаления и грусти.

Особо грустное впечатление произвела на меня одна семья — пожилой еврей с женой и их уже взрослая дочь. Они были очень сосредоточены и постоянно о чем-то думали. То стояли у борта парохода и смотрели куда-то вдаль, то сидели где-нибудь на палубе, в стороне от всех пассажиров. Он, положив большие руки на колени, опустив голову, упорно смотрел в одну точку — на поношенные ботинки, жена же, откинувшись на спинку скамейки, чаще всего сидела с закрытыми глазами. В таком положении они сиделу подолгу, не разговаривая.

Глядя на него мне казалось, что он, старик, мысленно разговаривает со своими ботинками, думает о том, сколько они километров исходили по знакомым улицам на работу, в гости, к друзьям. Последние же им придется дотаптывать за границей, на чужбине. Чужая земля. Эти странные, здесь на пароходе по другому зазвучавшие для него слова были непонятными, пугали своей неизвестностью.

Она же думала о прожитой жизни, в мыслях всплывали одни картины за другой, больше всего простые, обыденные. Все это теперь было для нее дорого. Ярко, выпукло вспоминался каждый штрих прошлого. Но почему она раньше не замечала всего этого. Она думала о своих соседях, больше всего ей вспоминались дети их многоэтажного дома, с большим красивым двором, зелеными деревьями, цветниками, она видела свою дочь с подругами, мальчишками, когда они веселой гурьбой в школьных формах, в сентябре, с цветами в руках дружно шли в школу. Как было радостно и легко на душе, а вот сейчас... Что будет

с их дочерью там? А где там?... Она тяжело вздыхала и думала. Во всем ее облике чувствовалась большая человеческая тяжесть, которая охватила, как свинцом налила, всю ее душу и тело, погрузила в глубокий темный омут внутренних переживаний.

Может быть они думали о чем-то и другом, но тем не менее чувствовалось, что им было тяжело и горько сознавать то положение, в котором они оказались. Они были грустными и молчали даже в столовой. Только дочка их была весела, познакомилась с такими же сверстницами как и она, вместе о чем-то разговаривала, громко смеялась, а вечером в музыкальном салоне танцевала с молодыми ребятами современные танцы. Она еще не понимала куда едет, зачем, и искренне, как ребенок, радовалась окружающей обстановке, новым людям, спокойному морю, дышала чистым свежим воздухом. Все это было для нее ново, интересно. Она больше походила на отдыхающую туристку, чем на беженку. И в этом было ее счастье.

Мне очень хотелось узнать мысли этих пожилых людей и один раз, когда мы вместе поднимались по трапу на верхнюю палубу, я не выдержал и обратился к старику с вопросом. Почему они такие грустные? Он долго молчал, чувствовалось, что не хочет разговаривать, потом громко облегчающе вздохнул как бы избавляясь от какой-то надоедливой горечи, но никак не мог освободиться от этого. Посмотрел в упор на меня вопрощающим взглядом, в котором видна была уже нахлынувшая тоска, какая-то непонятная обида, что-то невысказанное, и он, опустив голову, тихо проговорил: «Я уже ничего не знаю». И замолчал. Я понял, что разговор не состоится, отошел на корму теплохода, где было видно, что за нами тянется бурлящий белый с синевой след, над которым с тоскливым криком кружились, камнем падали в воду и вновь взлетали чайки. На душе тоже было тоскливо.

На рассвете следующего дня наш теплоход стал приближаться к берегам Турции, знаменитому Босфорскому

проливу. Сколько о нем я слышал, читал, грезил в мечтах и вот Босфор совсем рядом... Не верится. Трудно передать чувство, которое я испытал в это время. Все пассажиры поднялись на палубу. И вот из моросящего тумана, морского марева начали медленно выплывать очертания скалистых берегов двух континентов — Европы и Азии. Все ближе сужающиеся берега и мы медленно входим в Босфорский пролив.

По обоим берегам видны его красивые здания, дворцы, набережные постройки, в которых европейская архитектура сплелась с восточной. Когда первые лучи солнца затронули своим золотом купола многочисленных минаретов, потом перекинулись на высокие здания города, то перед нами открылась неописуемая, сказочная красота. И я как завороженный смотрел на это чудо природы и рук человека, был счастлив, что вижу Босфор и с тоской сочувствовал грусти поэта, когда он в возвышенных чувствах признавался любимой женщине, что «никогда я не был на Босфоре».

По быстро текущим водам снуют множество различных лодчонок, шхун, катеров. В разброску плавают, не боясь всего этого движения, дикие утки. С надоедливым криком носятся чайки. Вот, разукрашенный красной медью, ярко сверкая в лучах купающегося солнца, проносится мимо нас катер. На палубе на носовой его части около рубки с тростью в руках стоит стройный, высокий, чуть располневший турок, на голове традиционная фесочка. Вся его спокойная, но вместе с тем какая-то горделивая поза, свидетельствует о преуспевании, сытой, богатой жизни. Катер со всего ходу, как вкопанный в сплошной от буруна пене, останавливается возле мраморных ступенек красивого особняка, уходящих прямо в глубокую темную воду. Привычной, по особому важной манерой, турок, поддерживаемый под руку встречающим его лакеем, соскакивает на ступеньки и не спеша поднимается в особняк. Мне почему-то кажется, что этот катер, независимая походка, манера

держаться, все это сделано для того, чтобы все смотрели, завидовали ему, знали как он богат, влиятелен.

Вместе с Босфором во всей своей красе предстал перед нашим взором величественный Стамбул. Охватываемый с разных сторон Босфорским проливом, Мраморным морем Стамбул один из самых крупнейших культурных центров мусульманского востока, международный морской порт с неповторимой бухтой, врезающейся на несколько километров в глубь города, который величественно назван «Золотой рог».

Стамбул поразил нас седой древностью, памятниками, многочисленными куполами мечетей с современным модернизмом. Сколько здесь красивых, грандиозных зданий и просто жалких лачуг с множеством различных балконов, навесов, плоских крыш. Все это строилось, веками нагромождалось и теперь создает неповторимый архитектурный колорит, который присущ только этому городу. О Стамбуле много написано, каждый наверное немало знает о таинственных сказаниях, чарующих легендах. Но город все равно не перестает удивлять приезжих, особенно своими музеями.

На весь мир знаменитая мечеть Айя София — непременное желание каждого побывать под могучими сводами-куполами, посмотреть, полюбоваться ее остроконечными, уходящими в синеву неба, башнями минаретов, ее мозаикой из разных цветов мрамора. Все увиденное необычайно впечатляет человека. Сколько поколений христиан, а затем мусульман из века в век поклонялись твоему божеству. С ненасытной жадностью любуемся прелестями этого древнейшего города, думаем о том, кто только не бывал на его земле, кого только не видел Стамбул. Его мостовые, улицы и переулки видели отчаявшуюся русскую иммиграцию, сотни, тысячи обездоленных людей, толпы самых различных сословий, видели их отчаяние, беспросветные слезы и горе. Гонимые бурей революции, кто бежал, спасаясь от кары народной, а кто просто обманутый или ни в чем не разобравшись, понеслись по воле рока, злой судьбы,

не зная куда их выбросит жестокая волна жизни. Многие из них разнесутся по всему свету: уедут в Аргентину, Австралию, Францию, Америку или Африку. Некоторые в полном отчаянии будут торговать своим телом, совестью и навсегда сгинут на чужбине, и лишь немногие вернутся на Родину.

В Стамбуле мы воочию увидели власть денег, ту, уже неведомую нашим людям, параллель между богатством и бедностью, роскошью и нищетой, со всеми ее страшными пороками.

Возле общественных мест, на набережных мостовых много оборванных, с потухшими взглядами, небритых, шатающихся людей. Гид говорит, что это безработные. Наркоманы, алкоголики и просто опустившиеся люди, как они еще их называют — отбросы человеческого общества.

Слушая пояснения гида, я думал о том, сколько великих сынов дал миру турецкий народ, имена которых покрыты неувядаемой славой и почетом: Кемаль Ататюрк — основатель Турецкой республики, Азиз Несин — самый популярный турецкий писатель, Назым Хикмет — выдающийся турецкий поэт и многие другие. А сколько еще в этой нищете, в трущобах, прямо на мостовых гибнет нераскрытых талантов.

Прощай прекрасный, сказочный Стамбул. Наш теплоход следует дальше по маршруту. Погода на всем пути благоприятствовала нам. Внизу было тихое, ласковое море, а над нами, как нарисованное, темно-синее небо.

Проходим Мраморное море, а затем пролив Дарданеллы, Эгейское море и вот широко, с размахом нас встретило Средиземное море — колыбель человеческой культуры, цивилизации. Оно видело расцвет и падение целых государств, народов. Сколько тайн поглощают его глубины и даже теперь через века оно нет-нет да и удивит человека своими сказочными дарами. То со дна ее бессмертных кладовых поднимут всю обросшую ракушками, морскими водорослями античную скульптуру, древние амфоры, а то

и вдруг целый корабль. И об этой находке сразу же узнает весь мир, и человек, где бы он ни жил, от души радуется, как собственному открытию. В этом, наверное, кроется какая-то незримая связь времен, связь между народами.

Навстречу нам постоянно попадаются корабли, идущие под флагами разных стран мира. Видим грязное, какое-то серое облезлое судно. Гадаем по флагу, спорим, какому государству принадлежит. Наконец еле-еле определяем — Панаме. Большинство судов иностранных государств имеют неприглядный вид. Наверное владельцев судов меньше всего это интересует. Главное, были бы прибыли, доходы.

В этом отношении своей чистотой, опрятностью заметно отличаются наши корабли. Они производят внушительное впечатление. С красной широкой лентой, серпом и молотом трепещется флаг на палубе. При встрече советские пассажиры гурьбой сбегаются к борту корабля, то же самое делают и туристы встречного парохода, громко, радостно приветствуют друг друга, машут руками. Над морем разносится многоголосое радостное «Ура!».

В Средиземном море над нашим теплоходом пролетают несколько военных самолетов, оставляя позади себя ровный, густой, черный след дыма. Члены команды поясняют — это американские. Справа и слева от нас на различных расстояниях несколько военных кораблей — тоже американские. Как это все не вяжется с безоблачным синим небом и удивительно спокойным морем. Многие думают о том, почему здесь, в Средиземном море, так далеко от Америки находятся их военные корабли, самолеты, кого они защищают и от кого. У людей меняется настроение. Где-то слышится тяжелый вздох, негромкий разговор о войне.

Война — какое это страшное, зловещее слово, при звуке его содрогается душа человека. Говорят, войну выдумало само человечество. Нет, неправда, войну выдумала самая гнусная его часть, паразитирующая на теле здорового организма.

Но несмотря вот на такие встречи... пассажиры теплохода через некоторое время вновь настраиваются на прежний лад, разговаривают, смеются, читают книги, играют в шахматы, в баре пьют коктейль, обсуждают различные вопросы, отдыхают.

Незаметно пролетели несколько дней морского пути и наш теплоход бросил якорь в знаменитом порту Пирей в Греции. Мы на древней земле, откуда начинаются животворные истоки человеческой культуры и искусства. Многие прибыли к месту назначения. Настало время прощаться друг с другом. Дорога сближает людей, а расставаться всегда трудно. Пассажиры обмениваются адресами, телефонными номерами. Нерадостным и тяжким было расставание для тех, кто уезжал навсегда и терял свою Родину. Некоторые из них молча, с красными возбужденными лицами, спеша спускались с трапа, как будто боясь, что вдруг раздумают, вернутся, а возвратиться уже нельзя.

Я смотрел на знакомого мне старика и старушку, они, не стесняясь окружающих, постоянно плакали, особенно тогда, когда спускались по трапу. Их дочь, может быть, уже тоже поняла, что отныне кончилась ее беспечная детская радость, связанная с любимой школой, подругами, всем тем, что было так для нее ценно, начиналась новая, совсем неизвестная, непонятная ей жизнь. Что будет с ней, она не знала и знать не могла. Горечь расставания этих людей еще усугублялась и тем, что во время путешествия мы встретили несколько евреев, раньше покинувших Родину, и они, нескрывая своего наболевшего возмущения, во все услышание говорили: «Куда вы едете? Что делаете? Опомнитесь! Поверьте нам, вы будете проклинать тот день и час, когда решились на этот страшный проступок». Но они не могли опомниться, а находились в таком состоянии, когда порой человек, совершая ошибку, вместо того, чтобы исправить, напротив усугубляет ее, доводит до рокового конца. А когда поймет, осознает всем своим сущест-

вом, во весь голос закричит: «Что я натворил?», но уже будет поздно.

Капитана нашего корабля, сошедшего на берег, окружило несколько человек, жестикулируя, размахивая руками. На палубе не было слышно их беседы. Потом я узнал, что когда они увидели по так знакомому им нагрудному значку, что он депутат Верховного Совета Союза ССР, наперебой стали умолять, просить его, чтобы он как-то посодействовал их возвращению домой, передал письма, просьбы... Но если нельзя вернуться им, взрослым, то пускай резрешат детям, они абсолютно ни в чем не виноваты и страдают только по их прямой вине. Они просили капитана разрешить зайти на корабль, поговорить с советскими людьми, чтобы хотя бы чуточку почувствовать воздух своей, теперь уже недосягаемой, Родины...

В Переи нас ждал комфортабельный автобус. Всей группой мы направляемся в древние Афины, известные каждому из нас со школьных учебников, всегда манящие таинственностью прошедших веков, историей ушедших народов, сыгравших выдающуюся роль в становлении и развитии античной культуры.

Афины являются той могучей основой, несокрушимым фундаментом, на котором гнездится вся мировая культура. Хотя от Переи до Афин около 8 километров, они связаны между собой сплошным застроенным массивом и трудно отличить где кончается граница портового города и где начинаются Афины.

Гид на чистейшем русском языке, оказывается он когда-то жил в России, даже был в Сибири, рассказывает нам о древней земле Греции, ее истории, достопримечательностях, памятниках, о современной жизни. Автобус на приличной скорости мчится по набережной автотрассы. Для нас все интересно. Вот перед нами белоснежные, отливающие позолотой отделки, раскачивающиеся яхты. Гид, как бы между прочим, говорит, что эти яхты богатых греков, а дальше утлые шлюпки — это бедных. Потом он вновь на-

чинает рассказывать о памятниках, древней культуре, искусстве, о том, что сейчас в Афинах гастролирует знаменитый советский ансамбль «Березка», люди стоят в очереди сутками и не могут достать билеты, хотя цены у них баснословные, что греки обратились в Советское посольство, чтобы они продлили пребывание этого ансамбля. Мы въехали в один из самых древнейших городов мира — Афины. Это здесь жили и работали выдающиеся титаны рода человеческого: Геродот, Анаксагор, Софокл, Фидий и другие великие мыслители. Афины подарили человечеству бессмертные произведения: «Илиада» и «Одиссея». Здесь родина театра.

Наш автобус проезжает по центральным улицам города, ее площадям... Но у всех одно стремление, одно страстное желание: поскорее попасть в Акрополь, увидеть своими глазами божественный храм Афины-девы — Парфенон,— неповторимое архитектурное чудо, одно из самых наивысших взлетов человеческого разума, его творчества.

Величественный в своем убранстве со стройными беломраморными колоннами, просторно раскинувшись на одном из холмов Афин, он, как в сказке, как в чудном видении, высоко парит в небе, сливаясь с первозданной лазурной чистотой неба. Он как будто поднялся над древней землей Эллады, чтобы улететь в вечность, но так и застыл навсегда, чтобы смотрели на него люди, любовались, радовались и думали, что может сотворить человек.

И вот мы поднимаемся по массивным гранитным плитам, по которым прошли миллионы людей, прошла сама вечность, входим в храм святая святых человечества. Увиденное, как пламенем, охватило все наше сознание, и мы с затаенным дыханием, боясь проронить хотя бы одно слово, слушаем голоса седой древности.

...Кругом туристские группы, везде слышится разноязыкая речь. Люди приехали с разных стран, чтобы увидеть, ощутить то великое, чему вот уже столько веков поклоняется все человечество. Некоторые тайком, украдкой, стре-

мятся захватить с собой как священный талисман хоть крошку мрамора. За всем этим внимательно следит полицейский, строго предупреждает, что этого делать нельзя.

В Акрополе большое впечатление производит национальный музей, где хранятся бесценные творения древних мастеров искусства. Мы видели различные скульптуры, отражающие быт, культуру народа, воспевающие красоту самого человека. Подолгу стоят посетители в галерее женских скульптур, их волнует, трогает необычная женская красота, их особая одухотворенность, на века застывшая тихая, нежная улыбка или задумчивый взгляд, или открытые, полные любви глаза. Эта красота — вечно живая, она разговаривает с каждым поколением. Люди стареют, умирают, а она — нет, она всегда с ними. Когда кому-то хочется выделить красоту любимой или просто понравившейся женщины, нередко можно слышать: она похожа на античных богинь, у нее греческий нос, большие красивые глаза, как на иконах...

Впечатление от всего увиденного невозможно передать словами, оно — на всю жизнь. И потом, когда бы, где бы ты ни услышал разговор о Греции, Афинах, в твоих мыслях вновь пронесутся картины увиденного, и ты увидишь, представишь себе Акрополь, храм Афины-девы — Парфенон. На душе станет тепло и радостно.

Но вот я читаю в газетах, что уже несколько лет идет разговор на самых высших уровнях, как сохранить от медленного разрушения Парфенон, выступают с различными предложениями крупные государственные деятели, ученые мужи. Оказывается нет самого главного для осуществления благих намерений, претворения в жизнь умных идей — это денег...

Нет, я не могу понять, что в столь богатом капиталистическом мире не могут внести несколько миллионов... Нет, перед советской страной такая проблема не стояла бы.

Дальше на нашем пути Египет — страна загадочных пирамид, сфинксов, нераспознанных тайн. Какие только

мечты, необычные представления, всплывавшие в пытливом детском уме, не были у каждого из нас, когда мы слушали учителя, рассказывающего о древней истории, жизни народов Египта, рассматривали картинки, на которых были изображены какие-то особые, совсем другие люди. С большими, широко раскрытыми глазами они как бы из глубины веков смотрели на нас. Со строгими красивыми лицами, обрамленными густыми, темными, ровно подрезанными волосами они то играют на непонятном музыкальном инструменте, то распахивают или поливают землю, или мчатся во весь опор на легкой колеснице, или в единоборстве сражаются с каким-то страшным чудищем, не похожим ни на одно животное.

От всего этого было жутко и сладко, но неотступное манящее чувство звало к себе. Хотелось увидеть этот чудный мир, полный таинств, страха и вместе с тем какой-то чарующей душу красоты. По-детски трепетно, также живо меня интересует, волнует история, культура древнего Египта и по сей день. Я ждал встречи с Египтом и вот эта мечта наконец осуществилась.

В памяти всплывшие картины уносят меня в далекую сказочную страну с ее богатой историей. Я вижу как на этих берегах высаживаются непобедимые войска Александра Македонского, грозные в своей лавине, легионы Юлия Цезаря, овеянные славой военных побед.

Это здесь жила и царствовала божественная Нефертити, образ которой навека стал символом, олицетворением женской красоты. Здесь, на этой земле разыгралась одна из самых трагических историй человеческой любви прекрасной из цариц Египта Клеопатры и прославленного полководца грозной римской империи Антонио. Страстная сила их любви, неповторимое благородство чувств и сегодня не перестают удивлять человечество. Как велика, неукротима может быть любовь, особенно любовь женщины.

...Утро яркое, солнечное. Лазурь моря сливается с лазурью неба. Прохладный свежий ветер, наполненный запаха-

ми моря, нежно обхватывает тебя, гладит. Необычное настроение, наполненное душевной радостью, теплотой. Земная красота благоухает с красотой небесной.

Теплоход сбавил ход, вокруг тихо-тихо, не колыхнется море. На малой скорости приближаемся к представшему во всей своей красе знаменитому, известному во всем мире к порту Александрии. Мы на палубе, во все глаза смотрим на всё окружающее. Многие фотографируют, слышится легкое шуршание кинокамер, радостные возгласы отдельных пассажиров, которые не в силах сдержать свое восхищение от увиденного.

На огромном железобетонном пирсе много людей, видно оживление. Суетятся грузчики в заплатанной одежде, лица их уставшие, изнуренные и кажется, что их абсолютно ничто не радует, не интересует. Они привыкли ко всему этому и кроме своей работы ничего не замечают. С первых шагов на новой земле все ярко впечатляет, нас сразу окружают местные торговцы, которые шумно, с особым азартом предлагают кустарные изделия, примитивные поделки, серьги, кольца, браслеты, детские игрушки и многое другое. Они забегают вперед, униженно улыбаются, заискивают, умоляюще заглядывают в глаза, настойчиво просят что-нибудь купить. Вначале все это кажется нам интересным, мы смеемся, принимаем активное участие в торговле, рассматриваем товар, кто-то невытерпев изъявляет желание купить, тянется в карман за деньгами. Этот человек потом оказывается в самом нелепом положении, его окружают со всех сторон, кругом гвалт, шум. Теперь он даже если и не хочет, все равно вынужден будет приобрести какую-нибудь вещь, безделушку, от него не отстанут пока не поможет освободиться от назойливых продавцов подоспевший гид.

Наш автобус медленно движется по широкому прекрасному приморскому проспекту Александрии в район Восточной гавани, которая ровным изгибом дуги вдается в городскую территорию. Это дает возможность приезжаю-

щим видеть широкую панораму города, всю его прелесть, открывающуюся перед его взором, разные по своей архитектуре красивые здания набережной, море с его мерно то накатывающимися, то удаляющимися волнами. На длинном молу, уходящем в глубь моря, находится знаменитый Александрийский маяк, там же расположен исторический музей, посвященный образованию республики Египет. Посещение его оставляет унылое впечатление. Там покоится вековая пыль, в беспорядке висят различные картины, низкие по своему качеству, выполненные больше в экспрессионистском стиле, на которых изображены герои установления республики.

В Александрии наряду с красивыми архитектурными ансамблями, богатыми, сверкающими в позолоте ярких красок, особняками, неповторимыми мечетями особенно поражает убогость жилых кварталов, нищета народа. Нигде я не встречал столько нищих, попрошаек, как в Александрии. Здесь они просят абсолютно все, что только можно выклянчить. Оборванные, грязные, наверное никогда не умывающиеся дети, умоляюще просят у прохожих хотя бы один батат, сладкий картофель, хотя бы одну папироску, просят даже пустую коробку. Мы с удивлением спрашиваем гида, зачем такому маленькому ребенку папироса или пустой ящик. «Как зачем,— также с удивлением отвечает он,— это же стоит денег и можно будет их обменять на что-нибудь».

Я часто вспоминаю свою поездку в Египет, вспоминаю его исторические памятники, музеи, ласковое, голубое море, встречи с народом и еще больше хочу узнать о его жизни. Недавно в каком-то из журналов я прочел, холодящее до ужаса душу, никак не укладывающееся в сознании человека, сообщение о том, что за последнее время все больше египтян, попавших в тиски нищеты и вконец отчаявшись, идут буквально на все, специально уродуют себя, заведомо делают себя инвалидами. Им ломают руки, ноги, даже ампутируют, вырывают глаза и в таком состоянии им

удается собирать больше подаяний, чем нормальным людям, ибо к ним проявляют больше сострадания.

Все есть в этой стране: земля, дающая по несколько урожаев в год, синее, как нарисованное, чистое небо, ласковое море... Все есть для рая, только нет рая для самого человека.

Следующая страна, которую посетили, был Кипр, куда мы были приглашены по линии культурных связей, существующих между Советским Союзом и Кипрской республикой. В отличии от таких огромных городов как Стамбул, Афины и особенно Александрия, мы здесь почувствовали желанный отдых.

Спокойно, тихо встретил нас портовый город Фамагуста. Весь утопающий в зелени, с красивыми коттеджами, особняками, с чисто ухоженными домиками он больше походил на курортный приморский городок, чем на современный, задымленный, с высотными зданиями, гудящий на разные голоса, город.

Встречали нас радушно, как старых знакомых, гостеприимные хозяева, представители прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) и единой демократической молодежной организации (ЭДОН).С самого первого дня, вернее с первых часов пребывания на острове гидом у нас была молоденькая обаятельная гречанка с той особой красотой, которую принято называть античной, греческой. У нее было милое ласковое лицо, прямой нос, большие черные глаза, до необычайности красиво очерченные пухлые губы, которые в постоянной улыбке украшались белыми, ровными, как жемчуг, зубами.

Ее густые иссиня темные волосы падали ей на плечи, грудь, то вдруг от налетевшего ветра окутывали ее всю, оставляя лишь внимательные, блестящие с искринкой глаза, как бы говорящие: посмотрите на меня, какая я красивая. Она полным женственности привычным жестом откидывала их назад, радостно смеялась, так как смеется сама молодость, и имя у нее было милое — Ники. Наш

гид была красива и внешне и душой. Она на вполне понятном русском языке с приятным акцентом постоянно шутила, смеялась с нами, отвечала на многочисленные вопросы, рассказывала как она училась в Москве, сколько у нее осталось там друзей, что если бы ни их партия АКЭЛ, направившая на учебу, она не знала что бы делала. И вдруг, задумавшись, говорила: «Наверное не жила бы. Не было у меня ни отца, ни матери».

Был у нас и хороший шофер, полюбившийся всей группе. Наш Августа, как мы его называли, старался делать все возможное, чтобы нам было уютно и весело. В автобусе постоянно слышалась музыка. Откуда он только ее брал? То искрометную, бодрую, зажигающую, то грустно печальную, то торжественную. Он ловил каждое наше настроение и в соответствии с ним менял свою концертную программу.

Цель нашей поездки заключалась в том, чтобы по совместной программе советско-кипрских культурных связей провести встречи с трудящимися Кипра, рассказать им о Советском Союзе, наших успехах, поближе познакомиться с киприотами. В составе нашей группы были специалисты самых различных категорий: инженеры, врачи, учителя и другие, и мы могли вести беседы на любые темы, отвечать на любые вопросы.

Но больше всего при встречах киприотов интересовали вопросы, касающиеся жизни советских людей. Мне хорошо запомнилась одна из таких встреч, на которой выступал наш ученый. Добродушно встреченный слушателями докладчик увлеченно рассказывал о достижениях Советского Союза, жизни советских народов, дружбе, по заученному, как обычно принято у нас говорить, сказал, что вот в Советском Союзе проживает более 100 наций и народностей и все они живут, работают дружно. В зале проносится шумок. Многие не верят этому, начали наперебой говорить, что не может быть, тут же стали задавать вопросы, а проживают ли у нас турки, греки, как они живут между собой и

т. д. Пришлось рассказать о наших республиках как можно проще, азбучно отвечать на их многочисленные вопросы, приводить примеры, на конкретных фактах убеждать, что у нас в национальном отношении нет тех проблем, которые существуют у них. Люди как-то успокаиваются, переговариваются, улыбаются, но все равно чувствуется, что они мало верят сказанному.

Да, им трудно поверить, ведь они все сопоставляют, сравнивают со своей жизнью. Кипр — многострадальная земля, с населением чуть более 600 тысяч человек. Национальная проблема одна из самых жгучих, нерешенных. Живут здесь в основном два народа — греки (80 процентов) и турки (20), немного армян, но между ними нет мира.

Небольшой красивый остров, находящийся на морских путях Средиземного моря, является важным стретегическим местом, имеет богатейшую историю. Сколько он видел разных народов, цивилизаций, которые стремились покорить его, навязать свое безраздельное господство. Здесь властвовали римляне, египтяне, византийцы.

Наиболее тяжелая доля выпала ему в период засилия англичан, которые своей жестокостью стремились покорить свободолюбивый народ острова, но ничего из этого не вышло. В 1960 г. остров был провозглашен независимой республикой, но английский капитал, предоставляя независимость Кипру, оставил за собой право сохранения на острове военных баз, в случае военной обстановки право свободного передвижения и пользования дорогами, портами, аэродромами, и самое страшное, что он оставил после себя искусственное разделение, противопоставление друг другу греческого и турецкого населения, посеял вражду между ними.

В какой бы населенный пункт, город, где проживают турки, мы ни приезжали, везде мы видели своеобразные баррикады, толстые, в рост человека, стены, сложенные из мешков наполненных песком. В этих стенах зияют отвер-

стия, амбразуры, из которых нередко торчат оружейные стволы. На дорогах через определенное расстояние, особенно на поворотах, можно увидеть расставленные в шахматном порядке железные бочки, разукрашенные разноцветными полосами, тоже заполненные песком, галькой. Ника, глядя на нас, поясняет: «Эти бочки ставятся для того, чтобы быстрее останавливать подозрительные машины, проверять, нет ли вооруженных бандитов. Очень часто здесь бывают перестрелки...». Она показывает на рваные отверстия в мешках с песком, в бочках.

Наша машина медленно поднимается на пригорок, чуть в стороне видны колючая проволока, пестрые будки, стоят часовые в голубых касках, войска ООН, о которых много говорят, но они ничего по существу нигде не делали, да и не в состоянии что либо сделать. Когда в 1974 году произошел реакционный путч, а за ним последовало вооруженное вторжение, войска ООН остались безучастными свидетелями.

Все эти баррикады, стены, колючая проволока искусственно делят народ на различные зоны поселений и создают настолько уродливые формы человеческого общежития, что трудно даже себе представить. Нередко турки и греки днем трудятся на одном участке, предприятии, а вечером расходятся за свои стены, свои баррикады. От кого они прячутся, что они охраняют? Кто повинен в этом?...

В беседе с нами генеральный секретарь товарищ Папаиоанну, коммунисты Кипра прямо говорили, что проблема двух народов, населяемых остров,— греков и турков, никогда не была результатом их разногласий. Это международный империализм стремится возвести барьер между греками и турками, разжечь между ними кровавую вражду, которая для них так выгодна, они стремятся превратить остров в базу Североатлантического военного блока нагнетая международную напряженность.

Неповторим остров Кипр, особенно в зимнюю пору. Все в зеленом буйном наряде: оливковые рощи, банановые

плантации, поля. Это время года на острове очень похоже на наше — в мае-июне месяце, и лишь отличается тем, что здесь в это время происходит сбор цитрусовых: лимонов, апельсинов, мандаринов.

Большинство населения занято сельскохозяйственным трудом: выращивают виноград, цитрусовые, маслины, картофель, зерновые. В целях лучшего выращивания сельскохозяйственных культур, сбора продукции в некоторых местах крестьяне объединились в специальные кооперативы. В одном из таких кооперативов нам удалось побывать. Небольшой красивый особняк, расположенный прямо в саду, кругом его апельсины, мандарины, лимоны. Нас радушно встретили хозяин с хозяйкой, их дети: взрослая дочь и два сына. Были здесь греки и из других семейств. Они щедро угощали нас фруктами, предлагали и самим срывать их с дерева, задавали много самых различных вопросов, рассказывали о своей жизни, трудностях, о том, что все эти фрукты стоят очень дешево, нет рынка сбыта, радовались, что с Советским Союзом есть договоренность о поставке цитрусовых, что он надежен как покупатель.

Среди нас была красивая, статная женщина-узбечка, доктор, профессор медицинских наук. Когда они об этом узнали, окружили ее тесным кольцом, стали расспрашивать, советоваться по разным болезням, как лечить ту или иную болезнь. Люди мучаются, страдают тяжелыми формами заболевания и из-за невероятной дороговизны не могут позволить себе стационарное лечение.

По приезду в Никозию — столицу Кипра, к нам в гостиницу пришел обаятельный грек, врач по образованию, хорошо знающий русский язык, член коммунистической партии АКЭЛ. Он долгое время учился в Советском Союзе, женился на русской девушке, которая тоже врач, и вот несколько лет они вместе работают на Кипре. Он откровенно рассказывал нам в каком тяжелом положении находится население Кипра. «Нет денег,— говорил он,— можешь

умирать, это никого абсолютно не интересует, не то что у вас».

Кипр — это одна из богатейших страниц древней истории, цивилизации и культуры человечества.

На острове каждого приезжего поражает обилие древних памятников. Мы посетили замок, где знаменитый рыцарь Айвенго, верный молодой друг короля Англии Ричарда Львиное сердце, женился. Насколько все это верно никто не знает, но киприоты твердо уверены в этом. Все ярко впечатляет.

Мы долго ходим по развалинам древних могучих крепостей, нам рассказывают истории, таинственные легенды, одна из них особенно запечатлелась в памяти. Входим в огромный мрачный зал с толстыми кирпичными стенами, еле освещаемый через маленькие оконца, расположенные так высоко в стене, что, чтобы их увидеть, надо высоко поднимать голову, в углу зала большое каменное ложе. Гид полушепотом таинственно поясняет, что здесь Отелло, мучимый бешеной ревностью, задушил свою прекрасную Дездемону. Здесь произошла самая страшная развязка двух любящих сердец, случившаяся от невероятной человеческой клеветы. Кругом необыкновенная тишина.

Века давят на стены. Посещение этих замков, развалин захватывает человека, растворяет его во времени. Не хочется говорить, долго стоишь погруженный в свои думы. Хорошо знаешь, что Отелло — легенда, но все равно веришь, что это было, потому что в этом дворце как бы ощущаешь дыхание того времени. Ведь до сих пор живет рядом с нами сильный, страстный в своей безумной любви шекспировский Отелло. Веришь, что есть такая необузданная, ошеломляющая своей дикостью, человеческая ревность, которая живет там, где живет любовь. Есть и человеческая зависть, клевета и предательство. Особенно они коварны и жестоки там, где расцветает и живет чистая непорочная любовь преданных друг другу сердец.

Да, мы видели дворец Отелло. По приезде домой, когда нас будут расспрашивать и внимательно слушать о поездке, мы расскажем о посещении этого замка, о всем том, что мы там увидели...

Кипр, естественно, со всех сторон окружен водой и, когда едешь вдоль его побережья, создается такое впечатление, что он как огромный живой гигант купается в прозрачных, голубых водах Средиземного моря. Прямо в воде разной величины разбросанные причудливые нагромождения скал, о которые с тяжелым стоном, ухая, накатываются волны, ударяются, разбиваются в мельчайшие брызги, превращаются в игристую, молочно-белую с синим отливом пену, которая мечется, как живая, от одной скалы к другой, хочет выскочить на берег, но новая могучая волна налетает, глушит, убивает потухающее метание и рождает новую пену. Так вот где родилась самая красивая из красивейших женщин мира — Афродита... Все мы радостные, взволнованные, гурьбой бежим к морскому прибою, плещем руками в пене, ощущаем ее бархатное охлаждающее прикосновенье, которая то ласкает руки, то вдруг разыграется, бросится своими брызгами на грудь, в лицо, а потом игриво снова умчится в глубь моря. Многие из нас как завороженные, не замечая, что все мокрые, стоят в размокшем изумрудном песке... Да, я прикасался руками к вечной пене моря, откуда вышла сама Афродита.

Днем мы поехали отдохнуть на морской берег. Январь месяц, а вода в море 21—22 градуса тепла, как на Иссык-Куле в летнее время. Киприоты в это время года не купаются и они были немало удивлены, когда увидели, что мы полезли в воду. Но несмотря на их удивление мы с большим наслаждением долго купаемся.

Неподалеку от берега древние развалины, полуразрушенные колонны, камни, среди них гуляет легкий ветерок. Светит яркое средиземное солнце. Все настраивает на желанный отдых. Собираем ракушки, осколки каких-то черепков. Сколько веков этим кусочкам окаменевшей

глины? Когда-то кто-то первым прикоснулся к ее тестообразной массе и оставил жить навечно, чтобы, пройдя через века, она дошла до сегодняшних дней.

А вечером по приглашению рыбаков на берегу моря в небольшой таверне, где готовят и обслуживают сами же рыбаки, пили сухое вино, закусывали дарами моря, пели самые различные песни и много танцевали, особенно понравившийся и пришедший всем по душе в греческой обработке русский казачок по мотивам «Выходила на берег Катюша». Этот вечер остался надолго в нашей памяти.

На другой день рано утром прощаемся с нашими друзьями из партии АКЭЛ, работниками Советского посольства и направляемся в аэропорт. Льется прекрасная греческая музыка, полная тоски, любви, человеческой радости и печали. Кто погрузился в свои думы, молчит, кто разговаривает друг с другом, обмениваясь впечатлениями, а кто мурлычет в такт музыке. В аэропорту Никозии необычная обстановка, мало народу, гнетущая тишина, с автоматами в руках в здании вокзала, на посадочной площадке прохаживаются, сосредоточенными лицами военные. Оказывается, накануне хотели угнать самолет.

Мы на советском лайнере отправляемся домой. Всюду слышится русская речь, радостные возгласы тех, кто возвращается из туристской поездки, кто из длительной работы в посольстве, консульстве или каких-либо других советских организаций, действующих за рубежом. Через некоторое время перед нашим взором промелькнуло Средиземное море, красиво разбитые небольшие участки земли придунайских стран. Потом раскинулись бесконечные просторы нашей великой Родины. Мы — дома.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВСТРЕЧИ

С каждым годом все больше советских людей посещают зарубежные страны по туристическим путевкам. Это дает

возможность нашим труженикам ближе познакомиться с культурой, экономикой, бытом разных народов. Но всякий раз, приезжая в капиталистическую страну, советский человек воспринимает её нравы и порядки с точки зрения коммунистической морали, критически оценивает образ жизни людей в буржуазном обществе, воочию убеждается в неоспоримых преимуществах социалистического строя.

Недавно группа туристов из Киргизии побывала в зарубежной поездке Италия — Марокко.

Осуществилась давнишняя мечта. Мы на древней земле Италии. Добродушно встречают нас хозяева итальянской фирмы, ведущей туристский обмен с Советским Союзом. Комфортабельный автобус направляется в Рим, издавна называемый вечным городом.

Италия — Рим. Настолько сливаются вместе эти два слова, что невозможно отделить одно от другого. Что более вечно — Рим или Италия? Наверное, вечен сам народ-творец, созидатель, а Рим — отражение истории народа, хранитель всего ценного, что создано предыдущими поколениями.

Шло время, менялись формы правления, одна общественная формация сменяла другую, но неизменным оставалось горячее стремление народа выразить в произведениях искусства свои идеалы добра и совершенства. В камне, бронзе, металле запечатлено то, чем он жил, его радости и горести, победы и поражения. В Риме была сосредоточена культура всех народов, населяющих Средиземноморье.

Ни один город мира не может гордиться таким разнообразием произведений искусства и культуры как Рим. Рядом с античными руинами высятся прекрасные здания эпохи Возрождения.

Несметными сокровищами, своими картинами, скульптурами и другими произведениями искусства поражает Ватикан. Здесь собраны художественные ценности различных времен, античные греческие скульптуры с коллекциями египетских и этрусских древностей. В Ватиканском музее

находится Сикстинская капелла. Это один из самых выдающихся памятников искусства эпохи Возрождения. Роспись алтарской стены «Страшный суд» сделал гениальный художник Микеланджело. Стены этого неповторимого храма расписаны фресками, изображающими сцены из жизни Христа и Моисея, которые также принадлежат кисти выдающихся живописцев Италии.

По давно сложившейся традиции там, где находится капелла,— святая святых, в огромном зале, разговаривать неположено. Приходящие сюда люди молча созерцают прекрасное творение рук человека. Великое искусство везде и всюду. Интерьеры залов, церквей и дворцов украшают лепка, инкрустация, скульптура из мрамора, бронзы и цветного камня. Все это выполнено великими художниками Италии — Кавалльини, Рафаэлем, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Пинтуриккио, Перуджино, Бернини и другими прославленными мастерами, которые оставили незгладимый след в развитии культуры и искусства всего человечества.

Римские памятники истории и культуры с давних пор и до настоящего времени интересовали и продолжают интересовать людей самых различных национальностей и специальностей. Каждый человек мечтает увидеть великое искусство Италии, которое одухотворяет, возвышает род человеческий. Созерцая прекрасное, находясь под его влиянием, человек приобщает себя к богатству художественной культуры всех народов и времен.

Рим дышит самой историей. Всюду памятники, парадно-триумфальные сооружения, арки, колонны — немые свидетели минувших веков, ушедших эпох, народов. Стоишь, как завороженный смотришь и не можешь оторваться от увиденного. Наконец-то ты в Риме. Вот перед тобой веками овеянный Римский форум, Сенат, прославленная, не раз описанная и воспетая «Святая улица Солнца», по которой проходило триумфальное шествие победителей, императо-

ров средиземноморской рабовладельческой державы, проходили побежденные.

Вот он знаменитый Капитолий с его неповторимой мраморной лестницей, сделанной по проектам и чертежам Микеланджело. Перед нами дошедшие из глубины веков Статуя Марка Аврелия, древняя площадь с знаменитой колонной Траяна, одна из центральных площадей Рима, Пьяцца Венеция с памятником Виктору Эммануилу II, знаменитый фонтан Треви.

И, наконец, во всем величии и грандиозности предстает перед нами с юных лет запечатлевшийся в сознании, знакомый по первым прочитанным листкам истории — Колизей. И, как прежде, в мальчишеские годы, по картинкам, а теперь наяву, воочию воспринимаешь Колизей минувших веков. Ты словно слышишь шум многотысячной толпы зрителей, блеск и скрежет скрещенных клинков, гордый мужественный клич победы и последние стоны, хрипы умирающих гладиаторов...

Рим с его памятниками искусства — это гордость не только итальянского народа, но и всего человечества. К его искусству обращались художники всех стран, черпая из него неповторимые примеры для развития культуры своего народа. С Римом связаны имена выдающихся художников России. На произведениях знаменитых мастеров искусства учились О. Кипренский, К. Брюллов, А. Иванов и другие живописцы. Брюллов написал в Риме знаменитое полотно «Последний день Помпеи», принесшее мировую славу русскому искусству. Здесь почти тридцать лет трудился А. Иванов над картиной «Явление Христа народу».

Проходит день, другой и постепенно начинаешь привыкать (хотя нет-нет и спросишь себя, неужто ты в Риме?), видишь сегодняшний Рим с его повседневными заботами, проблемами. На улицах многолюдно. Много кафе, баров, магазинов. Прямо на тротуарах расставлены маленькие уютные столики с легкими плетеными стульями, за которыми сидят несколько человек, пьют кофе, сухое вино,

коктейли, отдыхают. По городу медленно движутся сплошные потоки машин. Подавляющее большинство их — малолитражки американского производства. Чем-то они напоминают таких жуков, у которых не поймешь, где у них передняя, где задняя часть. Быстрые в движении, они хорошо разворачиваются, обгоняя друг друга. Неповоротливыми по сравнению с ними выглядят широкие и длинные автомобили.

Мы попросили гида пояснить, почему итальянцы предпочитают малолитражки.

— О, тому много причин,— отвечает она.— У советских туристов не всегда правильное представление о наших машинах и ценах на них. Комфортабельная машина стоит дорого и её не всегда могут приобрести даже люди с высоким доходом.— Смущенно улыбаясь, она показывает на одну из современных машин.— Вот этот автомобиль,— она называет марку, цену,— мечта нашей семьи. Хотя работаем и муж, и я, но пока,— она разводит руками,— это остается нашей мечтой.

Мы наперебой начинаем подсчитывать цены на машины, переводя итальянские лиры на советские, получается внушительная цифра. Хорошая машина, на какую, например, указала гид, стоит восемь, а то и более тысяч рублей.

Да и содержать дорогую машину трудно, хотя бы из-за горючего, которое дороже, чем в Советском Союзе в шесть-восемь раз. Ну, а что делать? Машина необходима, надо ездить на работу, по хозяйственным делам, тем более, что во всех западных странах пассажирский транспорт работает плохо и обходится крайне дорого. Разве римское метро — и об этом мы не раз слышали от итальянцев — можно сравнить с московским? В Москве — это чистота, уют, комфорт, скорость, а какое разнообразие архитектуры! И не заметишь, как доедешь до любого нужного тебе места. Такого, пожалуй, не встретишь нигде в мире.

Наш автобус, мягко покачивается, как будто идет на одной скорости,—так умело, профессионально ведет маши-

ну шофер, очень обаятельный, симпатичный человек. К нему быстро привыкает вся наша группа. Слева, справа — памятники, развалины театров, цирков, терм (бань), триумфальные арки. Кругом древняя история. Впечатлений масса, не успеваешь сразу осмыслить увиденное, а гид спокойным, размеренным тоном продолжает: «Мы проезжаем по узкой улице. Эта древняя улица — тринадцатый, четырнадцатый век».

И вдруг, наряду о древнем, мы слышим о настоящем, современном: «Это большой красивый дом принадлежит очень богатой итальянской семье», называет фамилию, которая нам абсолютно ни о чем не говорит, а для них она многое значит. Проезжаем мимо комфортабельных вилл, хорошо ухоженных, утопающих в зелени, гид поясняет: «Вы видите красивые дома, в них живут богатые итальянцы». Богатые и бедные — это звучит для наших людей как-то абстрагированно, непонятно.

Да, конечно, советскому человеку чуждо деление на богатых и бедных. В мире капитализма богатый есть богатый, бедный есть бедный, и каждому своё. Свое место у них — где жить, где покупать, где отдыхать. Мерилом человеческого достинства здесь является капитал. Ценится только капитал, только деньги.

Всюду, везде магазины. Реклама кричит: «Покупайте! Покупайте у нас.» Все в круговороте купли-продажи.

Выбор товаров в магазинах большой, но в подавляющем большинстве итальянцы одеваются более чем скромно, и, конечно, не потому, что они не любят красивые вещи. Причина в другом — в дороговизне самой жизни, которая неуклонно растет. Только за один год, как свидетельствует статистика, цены в Италии увеличились на 22 процента. Итальянцы вынуждены ограничивать себя в питании, одежде и другом. Разве многое по карману бедняку, тем более безработному.

Вот пример, характерный для жизни итальянцев. Молодая красивая девушка, окончившая университет, знает три

иностранных языка, ищет работу два с половиной года. Безработица — бич, горе итальянского народа. Миллионы безработных. Многие из них, покинув отчий кров, свою родину, разбредаются по всему миру, ищут работу.

Как купить красивую вещь, когда почти 70 процентов заработной платы уходит на оплату жилья, квартиры. Трудно представить, невозможно советскому человеку понять, что в то время, когда пустуют целые дома, тысячи самых разнообразных квартир, миллионы простых итальянцев ютятся в жалких лачугах, нуждаются в самых элементарных жилищных условиях. Большая часть зарплаты идет на медицинское обслуживание. Итальянцы в шутку говорят: «У нас болеть нельзя, не положено болеть». Но, к сожалению, это далеко не шутка. Таков капитализм.

Больше всего в Италии страдают дети. Читаем материал, опубликованный в итальянской прессе. «Неаполитанских детей, появившихся на свет в семье, у которой нет надежного источника дохода, умирает в 8 раз больше, чем детей, родившихся в семьях с постоянным доходом,— сообщает газета «Унита»,— нередки случаи, когда отчаявшиеся родители продавали младенцев специальным агентам, которые затем перепродавали «живой товар» состоятельным бездетным семьям. Иногда продают и более взрослых детей».

С каждым годом в Италии растет преступность. Страшным несчастьем называют итальянцы мафию — открытую террористическую, фашистскую организацию, которая проникла во все сферы итальянской жизни, связи которой не ограничиваются только Италией, но распространяются далеко за рубежом. В аэропорту к нам подходит средних лет мужчина, знакомится, по-итальянски жестикулируя руками, называет себя коммунистом, рассказывает, что вчера мафиозо убили их товарища, говорит о том, что с преступностью, по существу, никто не борется. В стране растет количество наркоманов, алкоголиков, особенно много их среди женщин, рассказывает, что по их данным каждая

десятая женщина моложе 25 лет страдает алкоголизмом. «Многие женщины,— как сообщает итальянский журнал «Ной донне»,— пытаются утопить в алкоголе безнадежность, одиночество, неспособность утвердиться в семье и на работе, все те противоречия общества, которые не могут дать женщине возможность жить в нем нормально».

В каком бы городе Италии вы не находились, вы сразу почувствуете, увидите, что Италия целиком и полностью находится под экономическим давлением иностранного капитала, прежде всего американского. Её долг зарубежным кредиторам достигает баснословной цифры. Правительство США в открытую вмешивается во внутренние дела Италии, путем нажима, силы добивается, чтобы она верно служила стратегическим и финансовым интересам американского капитала.

Наше путешествие продолжается. Мы посещаем древние города-крепости: Тиволи, Ассизу, Пизу. Как будто бы время для этих городов остановилось в 13—14 веках. Все здесь в первозданном виде. На Соборной площади г. Пизы внимательно осматриваем одно из знаменитых чудес — сильно накренившуюся беломраморную Пизанскую башню. Покупаем сувениры, фотографируемся. По древнему обычаю бросаем монеты в священную купель Собора, чтобы когда-нибудь вновь вернуться в эти неповторимые, незабываемые места.

Наш автобус мчится дальше. Прямая, двухсторонняя автострада, посредине которой густо растут олеандры. На протяжении всей дороги по обеим сторонам крупная металлическая сетка. Через определенный участок пути, наш автобус останавливается, шофер платит за проезд. В Италии дороги платные.

По дороге встречаются красочные торговые рекламы, больше американского производства, привычно кричащие: «Пейте кока-колу!, «Пепси-кола», «Покупайте бензин нашей кампании». Навстречу то и дело попадаются огромные автопоезда, на которых перевозятся сразу по 10—15 и

более автомашин, тоже американского производства. Встречаются подобные автопоезда, принадлежащие кампаниям Франции и ФРГ.

По нашему маршруту слева и справа от дороги — сельскохозяйственные угодья, больше всего мелкие земельные участки, разделенные друг от друга деревьями, кустарниками. Там возделываются пшеница, кукуруза. Встречаются много оливковых садов, виноградников. На усадьбах расположены жилые и хозяйственные постройки. Небольшие, как правило с плоскими крышами, одно-двухэтажные побеленные домики. Здесь живут и трудятся итальянские земледельцы. Все это почему-то производит унылое впечатление.

Перед нами великая Флоренция, один из первых городов Италии, который, когда там расцветала наука, литература и искусство, претендовал на гордое название «вторых Афин». Флоренция — выдающаяся сокровищница искусства. Город памятников и музеев, где созданы бесценные творения гениев человечества. Во Флоренции — одна из самых богатых картинных галерей мира. В Художественной академии хранятся скульптуры эпохи Возрождения, бессмертные творения одного из величайших гениев мирового искусства Микеланджело.

Все, кто приходит в церковь Санта-Кроче-пантеон в скорбном молчании останавливаются у саркофага Леонардо да Винчи, Микеланджело, Галилея, Данте и других гениев, сказочными творениями, разумом которых освещена цивилизация человечества. У великолепного собора, на центральной площади города стоят памятники великому Данте — творцу «Божественной комедии», всему миру известному, знаменитому Давиду (здесь копия, подлинник находится в Художественной академии) — олицетворение величия и несокрушимости, вечной неумирающей силы искусства.

Подобно Риму — Флоренция живет насущными заботами, проблемами, и человек, приехавший в этот город, неминуемо сталкивается с ними, анализирует, делает выводы. Воздействует не только древнее искусство, но и современная культура капиталистического мира.

Поражают контрасты. Рядом с великими дворцами, с памятниками Данте, Давиду, скульптурными группами расположены крикливые, пестрые, разных цветов книжные киоски, полные самых невероятных журналов, красочно оформленных книг и других изданий, в которых воспеваются насилие и секс, разврат и растление взрослых и юных, всех тех, кто попадает в этот страшный водоворот буржуазной идеологии. И в этом им «помогает» сегодня одно из самых великих творений человечества — печатное слово (книги и журналы).

С рекламных плакатов на вас смотрят страшные чудовища — люди-уроды, человекоподобные существа. В фильмах убивают, режут стариков, женщин, детей, убивают изощренно — по-садистски. Таково содержание большинства кинофильмов, демонстрируемых в городах Италии. Вот уже поистине настоящая, полная капиталистической свободы жизнь, несущая невероятное насилие над человеком, над самым прекрасным, что создала природа на земле. Все решают деньги. Кого беспокоит растлевающее воздействие фильма? Самое главное — какие он приносит доходы. И вторая задача этих фильмов — сломить, подавить волю и психику человека, отвлечь его от реально существующей жизни, тех насущных проблем, которые надо решать сегодня. Фальшь и ложь, одурачивание и искажение истинного, грабеж и насилие над человеком — вот подлинные атрибуты, присущие ныне буржуазному обществу.

Мы ходили по Флоренции и думали о её истории, прошлом и настоящем. Было время, когда на её древних площадях сжигали и рушили творения великих художников, поэтов, мастеров, когда горели творения Платона и

Овидия, Леонардо да Винчи, бесценные шедевры Греции и Рима. То был 15 век — период черной инквизиции, которая хотела мечом и огнем вытравить все прекрасное, что создало человечество и вернуть человека в лоно его первобытного бытия. Инквизиция канула в вечность. Но великая Флоренция видит сейчас, как на её древних площадях и улицах процветают пошлость и разврат, прославляются низменные человеческие чувства. Это называется подлинной свободой искусства.

Нас, советских туристов, немало поразило, когда во время нашего пребывания в Италии развернулся настоящий антисоциалистический шабаш, который проводился под лозунгом «Защита свободы и прав человека». На это сборище съехались самые матерые, отпетые негодяи — так называемые диссиденты. Они изощрялись в своей клевете на Советский Союз, социалистические страны.

Что такое диссидент, особенно современный? Диссидент — это инакомыслящий, то есть, он мыслит иначе, чем в целом его народ и поступает иначе. Это люди без рода, без племени. Они не дорожат своей Родиной, народом, не имеют понятия о чести. Их не так уж много. В подавляющем большинстве своём это или больные люди, или просто взбесившиеся по самым различным причинам: один от политической безграмотности, бросившийся в политику, другой от творческой бесталанности, но претендующий на признание. Их широко использует буржуазная пропаганда, чтобы непрерывным потоком лить грязь на Советский Союз, социалистические страны. Очень метко по этому поводу сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «Наши противники хотели бы найти хоть какие-нибудь силы, выступающие против социализма внутри наших стран. А раз таких сил нет, ибо нет в социалистическом обществе ни угнетенных, эксплуатируемых классов, ни угнетенных, эксплуатируемых национальностей, то изобретают какой-то эрзац, путем лживой рекламы создают видимость «внутренней оппозиции» в социалистиче-

ских странах. Именно по этой причине организуется шумиха о так называемых «инакомыслящих», крик на весь мир о «нарушении прав человека» в странах социализма».

Одним из таких потоков грязи и был шабаш в Италии. Журналисты писали: «Патологически антисоветский и антикоммунистический характер этих взглядов шокировал даже многих западных участников семинара». «Все это мы слышим вот уже 60 лет»,— резюмировал итальянский философ Норберто Боббио. «Антикоммунизм здесь хлещет потоками»,— с возмущением говорил один французский историк, ретируясь с этого диссидентского форума.

Что интересно, когда сборище диссидентов в Италии обсуждает «важные вопросы» о свободе и правах человека в СССР и социалистических странах, итальянская коммунистическая партия в это время высказывает недоверие современному правительству Италии, обсуждает вопрос о создании в стране демократического правительства, чтобы остановить дальнейший спад производства, сократить безработицу, оградить трудящиеся массы от произвола и всевозрастающей преступности в стране, решить сложные финансовые проблемы и другие вопросы, связанные с защитой подлинных прав человека.

Мы видели в Риме многочисленную забастовку итальянских трудящихся. Они требовали самого насущного: работы, увеличения заработной платы, решить проблему занятости, требовали улучшения условий труда, жилья, снижения непомерных налогов, требовали обыкновенной человеческой жизни. А диссиденты в это время разглагольствовали о том, что в странах социалистического мира нет «подлинной свободы».

В Италии общественность обсуждает страшные последствия экологической катастрофы, произошедшей в результате взрыва на химическом заводе «Икмеза», повлекшего за собой сотни жертв, не поддающихся сейчас никакому лечению, а диссиденты рассуждают в Риме о правах человека в СССР.

Советский Союз делает в это время все возможное, чтобы предотвратить гонку вооружения, античеловеческие планы империализма, которые нашли наиболее яркое воплощение в разработке и производстве нейтронной бомбы, в новой ядерной политике Белого дома. Диссиденты же в своих воплях призывают западные страны не уступать Советскому Союзу. Хотя сами же империалисты вынуждены признать, что предотвратить термоядерную войну может только Советский Союз. Так, бывший посол США в СССР А. Гарриман прямо заявил о том, что «в мире нет лидера более полной решимости предотвратить ядерную войну, чем советский руководитель Л. И. Брежнев».

Инакомыслящие в своей разнузданной клевете не брезгуют ничем, берут на свое вооружение любой пасквиль, любое гнусное заявление, например, связывают воедино «отсутствие якобы прав человека» с так называемым «еврейским вопросом в СССР».

К великому сожалению, нет-нет да кто-нибудь и клюнет на удочку инакомыслящих, хотя потом и горько раскаивается. Так, например, группа бывших советских граждан еврейской национальности, проживающих за границей, когда узнали об очередном антисоветском сборище в Риме, выступили с резким его осуждением. В своем заявлении они писали:

«Мы, лица еврейской национальности, уехавшие из Советского Союза, из сообщений печати узнали о так называемых «слушаниях» в Риме, цель которых — обсуждение вопроса о якобы имеющих место ущемлениях прав человека в Советском Союзе.

Мы с полной ответственностью заявляем всем людям доброй воли, что жертвами так называемых «слушаний» в Риме вновь могут стать несведущие и доверчивые люди. До каких же пор это будет продолжаться? Когда же, наконец, люди без совести и чести перестанут играть судьбами других людей? Мы предупреждаем: не верьте «глашатаям свободы» в Риме».

Да и мы сами видели в Риме тех, кто покинул Родину, хотели они того или нет, изменили ей. Есть среди них озлобленные, напускают на себя высокомерие, кривляются. Но больше других, которые, слыша русскую речь, стараются тут же с вами заговорить, невольно чувствуют перед вами свою непростительную вину, пытаются как-то оправдаться, хотя их об этом никто не просит. На римском базаре нас окружило несколько человек, когда-то бывших советских граждан. Говорят наперебой, но толком ничего сказать не могут. Одна из них правда сказала: «Посмотрите, разве можно у нас в Киеве купить такую кофточку?». Так и сказала «у нас». Она ещё живет у нас, хотя давно уже не наша. Дорогой же ценой пришлось заплатить ей за то, чтобы купить кофточку, которой нет в Киеве.

Другой из группы, человек уже пожилой, признался более откровенно: «Постоянная, горькая тоска по Родине, все в памяти, до самой мелочи, все представляется прекрасным и надо же, наслушавшись разных бредней, поверили, сами все разрушили и нет никакой надежды, что мы когда-то вернемся на Родину. Завидуем вам, завидуем до слез, вот вы здесь временно, граждане такой великой страны. Вот вы побыли, посмотрели и опять домой, а мы...» Спазмы перехватывали ему горло и больше он ничего сказать не мог.

Да, за границей, как нигде, чувствуется обостренная тоска по Родине, если ты даже и бываешь там недолго. Мы видели как работники наших посольств, различных служб по́ пальцам считают последние дни перед отъездом на Родину.

Гордость за свою принадлежность к великой стране — Советскому Союзу, к её общей семье братских народов, где существует и действует настоящая свобода, вдохновляет, облагораживает советских людей, заставляет их беззаветно любить свою Родину.

НА ДРЕВНЕЙ МАРОККАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из Италии мы летим в Марокко на самолете американского производства «Боинг». Об этой марке я многое слышал, но мои представления о ней оказались куда богаче. Может быть, я привык к своим самолетам, но мне почему-то кажется, что наши лайнеры намного лучше.

В салоне нас обслуживают приветливые стюардессы, постоянно улыбающиеся, с арабско-индийскими чертами лица, матовым цветом кожи, исключительно внимательные к клиентам.

Летим на большой высоте, пересекаем Средиземное море, потом идем вдоль северного африканского континента. Ясный солнечный день, над нами темно-синее небо, внизу хорошо видны горы и очертания берегов, омываемых морем. В самолете слышится разноязыкая речь: итальянская, арабская, английская, русская. Среди наших туристов оживление — подлетаем к Марокко.

И вот мы в аэропорту Касабланки. После утомительного, долгого оформления заканчиваем таможенный досмотр. Нас встречает хозяин туристической фирмы и улыбающийся гид в длинной национальной одежде. Вдруг зал аэропорта оглушается радостными, какими-то торжественными ритуальными криками. Гид объясняет, что подобным образом марокканцы встречают паломников, приехавших из Мекки, встречать их считается большим счастьем. Марокканцы исповедуют ислам. По словам гида, верующие составляют 100 процентов всего населения.

Наш автобус под проливным дождем мчится в знаменитую Касабланку. Чистая автострада, по обеим сторонам которой встречаются высокие пальмовые деревья.

Обаятельный гид, постоянно улыбаясь, отвечает на наши вопросы, старается как можно подробнее рассказать, удовлетворить интересующихся. С особым вниманием он выслушивает вопросы, касающиеся жизни марокканцев и с увлечением отвечает на них.

Несмотря на то, что королевское правительство после получения независимости и проводит различные мероприятия по улучшению жизни народа, но она по-прежнему остается очень трудной. Много нерешенных проблем. Экономика страны все ещё зависит от иностранного капитала. Наиболее убедительным свидетельством этому может служить доход на душу населения, в год, который не превышает 900—950 дирхам в целом по стране и 200—250 дирхам — в сельской местности. В пересчете на наши деньги, приблизительно соответствует 170—180, и 35—40 рублям в год. Безработица, как и во многих капиталистических странах, несчастье для марокканского народа. Свыше 400 тысяч человек в поисках работы выехало в Западную Европу.

О крайне низком уровне жизни народа может служит и отсутствие должного медицинского обслуживания. По данным буржуазной печати, половина населения больна туберкулезом. Огромная детская смертность. В стране свирепствуют малярия, трахома, венерические заболевания.

За разговором мы незаметно въехали в вечернюю Касабланку. Обилие неоновых огней, реклам. Нас устраивают в отеле, носящем имя знаменитого президента США Вашингтона. За стойкой, где висят ключи от номеров гостиницы, нас встречает пожилой, облысевший, какой-то весь бесцветный, расплывшийся администратор-француз, разъясняет как заполнять бланки. После выполнения существующих формальностей, размещаемся по номерам. Сопровождают нас коридорные в грязных, засаленных формах бледно-голубого цвета в неизменных, тоже грязных, фесочках на голове. После того как откроют вам номер не уходят, мнутся, заглядывают в глаза, ждут вознаграждения. Берут абсолютно все, но лучше когда все-таки дают деньги. В гостиницах Марокко холодно, всего тебя охватывает промозглая сырость, тусклые лампочки еле-еле освещают номер, чувствуется какая-то неуютность, создается не совсем хорошее настроение.

После ужина мы небольшими группами выходим на улицу знакомиться с Касабланкой. Дует морской ветер — рядом океан.

Касабланка — крупный международный порт. Один из красивейших городов Африканского континента. Застроен в основном административными и жилыми домами белого цвета с плоскими крышами. Прямые улицы с множеством различных магазинов. Крупные из них имеют современный вид: в них установлены твердые цены. В городе много кафе, баров. В кафе как правило накурено, грязно.

По улицам потоком движутся автомашины самых различных марок. Здесь машины и США, и ФРГ, и Франции, и Италии и многих других стран мира. На центральных улицах даже постоянно дующий с океана прохладный ветер не уносит гари выхлопных газов.

Везде и всюду в Касабланке чувствуется засилие американского капитала. Кричащие рекламы американских кампаний предлагают «Кока-Колу», «Пепси-Колу». Яркие огромные плакаты на заправочных бензоколонках. Захватывающая, навязчивая реклама, от нее никуда не денешься. Она предлагает «красивую», «сладкую» жизнь. Особенно широко рекламируется кинопродукция, проповедующая секс, разврат, мордобой.

Марокканцы — трудолюбивый народ. На улицах города, наряду с арабами-марокканцами, немало людей негроидного типа с кудрявыми волосами, темным цветом кожи. Больше всего — мужчин. Много высоких, стройных женщин с тонкими чертами, матовым цветом лица, миндалевидным разрезом глаз, пышными иссиня-черными волосами.

Жители Касабланки в большинстве своем одеваются по-европейски, но встречаются и в национальной одежде. Мужчины — в длинных до пят национальных костюмах различной окраски.

Уставшие, возвращаемся в гостиницу. Неподалеку стоят крикливо одетые молодые женщины, представительницы

так называемой «древнейшей профессии», призывно заглядывающие на мужчин в надежде на то, что кто-нибудь их пригласит в ресторан, чтобы провести время.

Всю ночь на нашем этаже была слышна музыка, пьяный крик, визгливые женские голоса. На утро мы узнаем, что это веселились американские туристы. Марокканцы с обидой рассказывают, что американцы чувствуют себя в Марокко хозяевами, ведут себя развязно. Они думают, что за доллары можно купить всё.

На другой день мы осматриваем достопримечательности Касабланки: старинные здания, построенные в восточном стиле много веков назад, дворец короля, протестанскую церковь, построенную в модернистском стиле из железа, бетона и стекла. Прямые улицы города, опускающиеся к океану, украшены стройными, высокими пальмами со своими огромными опахалами-листьями. Но особенно красивые пальмы мы видели в нашем консульстве.

В порту Касабланки — лес мачт, скопилось много крупных кораблей, кранов. На одном из кораблей, на трубе, мы видим широкую красную полосу с серпом и молотом. Наш корабль. Мы все искренне радуемся, гордимся, что советские корабли бороздят океаны, моря и приходят в такие далекие порты как Касабланка.

После осмотра города нас повезли на побережье океана. И вот перед нами во всем своем грозном величии, шумный, со стоном и рёвом катящий волны, Атлантический океан. Захватывающее зрелище. В памяти всплывают яркие картины о великом океане, омывающем Африканский континент. Волны одна за другой, набегая на берег, разбиваются о галечник, о скалы, которые далеко разносят их брызги, гаснут, вслед за ними уже набегают другие. Мы стоим, жадно вдыхаем влажный, пропитанный солью, воздух океана.

У каждого из нас нестерпимое желание подойти к берегу, попробовать на вкус воду океана, но это сделать не так-то просто.

Весь берег застроен частными экзотическими виллами. Сочетание современных строительных материалов и камыша с бамбуком. Плавательные бассейны, небольшие пляжи. И везде нас вежливо предупреждают: «Сюда нельзя», «Здесь не положено ходить», «Мой бассейн, мой пляж, мой дом...». Здесь так же, как и во многих других местах, неумолимо действует закон частной собственности.

С помощью гида нам все-таки удается найти кусочек свободной земли. Здесь несколько бездомных, нищих, стирают, похожее на тряпки, своё бельё. Некоторые отдыхают. Худые, с изможденными лицами, потухшим взглядом, абсолютно ни на кого не обращая внимания, смотрят куда-то в даль океана, думая, наверное, о том что где-то там есть иная жизнь, но для них она абсолютно недоступна.

В Марокко, особенно в её крупных портовых городах, как Касабланка, Рабат, встречается много нищих, попрошаек. Это — обездоленные люди самого различного возраста, среди них много детей и стариков. Даже сами марокканцы предупреждают нас, чтобы мы были повнимательнее, надежнее смотрели за своими сумочками, портфелями.

Побывав несколько дней в Касабланке, мы автобусом отправляемся в столицу марокканского государства — Рабат. По дороге часто встречаются оливковые рощи, земельные участки, которые старательно обрабатывают крестьяне. В период нашего пребывания в Марокко происходил сбор сельскохозяйственного урожая. Марокко — аграрная страна с относительно развитой промышленностью, главным образом по обработке сельхозпродуктов. В глаза бросается контрастность. На одних участках земля обрабатывается тракторами вроде наших «Белорусей», на других, как много веков назад, крестьяне пашут и обрабатывают землю на лошадях и мулах. В сельском хозяйстве, поясняет гид, имеются большие трудности. Свыше 500 тысяч крестьян не имеют ни клочка земли, не хватает капитала, техники, удобрений ,поливной воды. У нас, у арабов,

говорит он, в лексиконе нет названия «пресная вода», есть «сладкая вода». Мы очень дорожим и ценим каждую каплю «сладкой воды». На одних участках красивые, добротные дома, похожие на миниатюрные дворцы, на других—жалкие лачуги. Нищета и богатство соседствуют рядом. Вдоль всей идущей от Касабланки до Рабата по побережью Атлантического океана трассы встречается много убогих поселений, которые даже нельзя назвать жильем, скорее всего они напоминают нагромождение различных старых ящиков, фанеры, ржавых жестяных банок, картона, тряпок. Здесь живут сотни, тысячи людей, которые влачат свое жалкое существование.

В автобусе из приемника льется печальная арабская музыка. Мы любуемся захватывающими видами океана, сельской местности, рассуждаем о том, какую бы можно было построить жизнь на такой богатой, благодатной земле, где можно собирать по несколько урожаев в год. Построить дома отдыха, пионерские лагеря... Нашей фантазии нет предела.

Океан постоянно перед нами на всем пути маршрута. Он зовет, манит своим неповторимым величием. Мы просим шофера остановиться где-нибудь поближе к берегу. Выбираем место.

Удобный залив. Большой серовато-коричневый пляж. Разве можно удержаться, чтобы не искупаться в его водах. Хотя бы символически окунуться в воде, чтобы потом можно было бы сказать: «А я купался в Атлантическом океане». На лице шофера — немалое удивление, а потом он начинает нас отчитывать: «Разве можно купаться в такое время года. Заболеете». Пугает акулами. Мы одеваемся и едем дальше.

Перед нами — древний город Рабат. В отличие от Касабланки, здесь более просторные улицы, площади, больше встречается памятников, относящихся к глубокой старине. Как в Касабланке, так и в Рабате много мечетей с возвышающимися на фоне пасмурного неба минаретами.

Нас размещают в центре Рабата, окна гостиницы выходят на центральную улицу, на противоположной стороне которой расположен парламент Марокко, с развевающимся на нем национальным знаменем.

В гостинице неуютно, грязно, стоит какой-то непонятный устойчивый запах, напоминающий запах разлагающейся шерсти. Большая влажность, которая охватывает тебя всего и нет никакой возможности от нее избавиться. Очень грубые и невнимательные клерки гостиницы. У всех остался неприятный осадок от того, что в наше отсутствие кто-то копался в чемоданах, исчезли различные мелкие вещи, а один раз даже и деньги, которые после официального заявления вынужден был возместить хозяин фирмы.

На улице вот уже несколько дней моросит дождь. Но тем не менее все мы идем осматривать город, знакомиться с его памятниками.

Сильное впечатление на нас производит беломраморный, куполообразный королевский мавзолей отца нынешнего короля. Весь он украшен золотом, дорогостоящими камнями, ажурной резьбой. С трех сторон его круто спускаются беломраморные лестницы. Это крупное современное архитектурное сооружение, которое в комплексе объединяет королевский мавзолей, действующую мечеть и вновь строящийся мавзолей. На его строительство ушло много средств, наверное, миллионы и миллионы дирхам, никто цифры не называет. Но народ гордится своим творением. Марокканцы с гордостью заявляют, что строительство его было осуществлено мастерами Марокко. На память фотографируем дворец с солдатами-постовыми, одетыми в национальную форму, они охотно нам позируют, улыбаются.

После обеда посещаем наше посольство. Нас встречает секретарь. Добродушно улыбаясь, громко разговаривая, образно жестикулируя руками, знакомит нас с посольством. Это чудесное, построенное по проекту советских архитекторов современное здание со светлыми просторными залами, кондиционированным воздухом, на стенах висят

картины советских художников. Обходим огромную территорию посольства с вековыми пальмами, зелеными подстриженными газонами, везде уют, чистота, порядок. Чувствуется, что здесь частица нашей Родины.

Говорят, что Советское посольство в Марокко — одно из самых лучших на Африканском континенте. Нам это очень приятно слышать и сознавать. Так оно и должно быть.

Знакомство с Рабатом продолжается. Посещаем кустарную фабрику по производству ковров ручной работы. Шумно. Заходим в старое кирпичное здание. Кругом полумрак, один к одному расставлены ручные станки, за которыми, согнувшись, сидят женщины и дети 7—14 лет, усталые от работы, печально смотрят на нас, уныло улыбаются, протягивают руки, просят подарки. Получив значки, открытки, конфеты смеются, показывают подругам, кто что получил. Но работа есть работа и они вновь садятся за станки. Изнурительный детский труд, по 10—12 часов в день, и мизерная оплата. Тяжелое впечатление оставило у нас посещение этой фабрики. У многих женщин на глазах были слезы. Вот то «богатое» наследие, которое оставил колониализм в Марокко, и оно наглядно показывает, что дает капитализм сегодня.

Удалось нам посмотреть и кусочек африканской природы, побывали в экзотическом саду. Деревья-гиганты, бамбук вперемежку с мелкими кустарниками, обвитыми лианами, создают непроходимые заросли, в которые еле-еле пробиваются лучи солнца и дневного света. Стоит неподвижный терпкий воздух. От постоянной сырости пахнет перепрелой листвой, травой и другими непонятными запахами, наверное, присущими только тропическому лесу.

Мы продвигаемся по узким, извилистым тропкам, которые то поднимаются в горы, через скалы, то опускаются вниз, идем по шатким, бамбуковым мостикам, перекинутым через топкие болота, в которых растут и крупные, как подносы, и очень мелкие кувшинки. На полянах фотографируемся, обмениваемся мнениями.

За день перед отъездом мы всей группой отправляемся на знаменитый восточный базар, так называемую медину, чтобы приобрести некоторые подарки, сувениры. Громадный базар, состоящий из узких улочек, переулков. Вдоль обеих их сторон — прилепленные один к другому мелкие магазинчики-лавочки. Нередко вывешенный товар в одном магазинчике вверху смыкается с товаром на противоположной стороне улицы: так они узки. В отдельных местах улицы перекрыты камышовыми циновками, сквозь них пробивается тусклый свет, внизу желанная прохлада.

Если в магазинах-лавочках сравнительно чисто, поддерживается порядок, из некоторых разносится сладкий аромат зажженных благовоний, пахнет арчей, медом и другими пряностями, непонятными нам, то на улочках базара сплошная грязь, расползающаяся вонючая жижа, перемешанная с остатками разлагающихся отбросов сельхозпродуктов. Создается впечатление, что улицы базара — это ничейная территория и её никто не убирает. Поражает на базаре большое количество нищих, калек, сифилитиков с прогнившими носами, больных трахомой, которые целыми рядами сидят тут же в грязи, гнусаво просят подаяния. За каждым появившимся новичком увязывается толпа назойливых детей, подростков, которые целый день кружатся на базаре, кое-что продают, клянчат на пропитание. И если кому-то что-нибудь дашь, то потом тебя окружают и остальные ,начинают настойчиво просить, чтобы и им дали что-нибудь тоже.

Чего только нет на этой медине. Самые различные товары, о которых ты даже и представления не имеешь. Практически, на базаре можно купить и вместе с тем продать абсолютно всё. Здесь изделия Италии, Франции, ФРГ, Японии. На базаре обилие овощей: лук, бананы, финики, мандарины, редиска, помидоры, морковь и много другой сельскохозяйственной продукции.

В мясных ларьках висят разделанные говяжьи и бараньи туши, битая птица. Есть специальные ларьки по

продаже рыбы. Торгуют всем этим, как правило, мужчины. Торговля ведется бойко, с шумом, продавцы азартно, с неизменным упорством, подзывают к себе покупателей. Здесь же отчаянно кричат подростки, предлагают купить какую-нибудь мелкую вещь. Кричат разносчики прохладительных напитков, которые обвешаны металлическими сосудами различных форм и банками для питья, а больше всего пьют из одной кружки.

Если человек заинтересовался какой-нибудь вещью, то продавец старается сделать все, чтобы он ее купил, и в большинстве своем ему это удается.

Торговля на восточном базаре — это большое искусство. Ведется она умело, со знанием дела, с обязательным соблюдением давно сложившихся правил и ритуалов. На медине сначала обязательно принято превышать цены, и лишь потом с азартом начинают торговаться. Чтобы удачно сбыть товар, продавец на помощь очень часто призывает самого аллаха, святые небеса, клянется ими. На лицах торгующихся гримасы удивления, они нервничают, саркастически смеются. Слышны такие выражения: «Только ради тебя я согласен на такую цену», «Даю последнюю цену и — по рукам», «Побойся аллаха», «Такой товар ты нигде не сыщешь» и т. д. Как правило, в результате такой торговли цена снижается до половины от предлагаемой вначале. В конце концов остаются довольными обе стороны. Продавец и покупатель мило улыбаются друг другу, нередко их сделка заканчивается пиалкой душистого чая.

Восточный базар — это сама жизнь многих марокканцев. Здесь люди рождаются, здесь проводят все свое время. На базаре расположена мечеть и несколько раз в день через радиоусилитель, чтобы перекричать шум базара, муэдзин призывает верующих к молитве.

Над Рабатом опускается атлантическая темная ночь, зажигаются рекламы.

У нас радостное настроение. Завтра мы улетаем домой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Любовь сердца 6
Мой город 20
По Средиземному морю 38
Итальянские встречи 59
На древней марокканской земле 73

Лопарев
Николай Петрович

РАЗНАЯ ЖИЗНЬ

ОЧЕРКИ

Рецензент А. Сальников
Редактор С. Куручбеков
Художник С. Ямгирчиев
Худож. редактор Д. Лысогоров
Техн. редактор Р. Ревенко
Корректор С. Мекешева

ИБ № 1986

Сдано в набор 1. 3. 1982 г. Подписано к печати 6. 6. 1982 г. Д — 02901 Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1 «Литературная» гарнитура. Печать высокая 2.625 физич. печ. л. 3.675 услови. печатных листа. 3.742 учетно-изд. л. 3.763 усл. кр.-отт. Тираж 3000. Заказ № 667 Цена 10 коп

Издательство «КЫРГЫЗСТАН»
720737 г. Фрунзе, ул. Советская, 170

Чуйское производственное объединение «Полиграфист» Государственного комитета Киргизской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 720616, ГСП, г. Фрунзе, ул. Мукаша Абдраева, 72

